

Виктор Брусницин

Прямо и наискосок

18+

Виктор Брусницин
Прямо и наискосок

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Брусницин В.

Прямо и наискосок / В. Брусницин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Герои — мужчина и женщина, люди с творческим потенциалом: он музыкант, она художник. Их объединяет не только супружество и ребенок, переплетенная, зависимая друг от друга жизнь после развода в России и за рубежом, но и напряженность судеб, которыми торжествующе манипулируют обстоятельства: он становится благополучным человеком, она загадочно погибает.

Часть 1

Седьмое февраля случилось днем ангела Андрея Румянцева, нынче выпало воскресенье. Недели две назад встретил приятеля, тот угрожал на дату прийти с женой. Пришлось сказать маме, та обещала что-то накормить. Вслед пробуждению явилось громадное нежелание видеть кого-либо, собственно, сам белый свет. Состояние держалось долго, заверещавший недалеко за полдень звонок подчеркнул. Сергея ждал к вечеру, не услышав шагов матушки, тронулся открывать.

В дверях стоял Женя Ширяев, деловой партнер, сделавший Румянцева банкротом, гражданин, соблазнивший его жену, человек, явившийся причиной обвального краха Андрея. Он держал в руках пару бутылок дорогого коньяка, связку баночного пива и настороженно улыбался. Рядом расположился с большим полиэтиленовым пакетом, очевидно, закуской, друг со школьной скамьи Петя Петров. Оба молчали.

Румянцев скривил губы, раскрыл дверь и произнес:

– Не ожидал.

Зашевелилась родительница, начала накрывать на стол. Петя повествовал, как провел Новый год. Поделится и Женя, постарался, несомненно, чтоб выглядело неярко. Пришлось высказаться и Андрею:

– Мы с батей вдвоем, мать в гости уходила. По пятьдесят грамм какой-то бурды накатили.

Напряжения не наблюдалось.

– Вроде как перестановка у вас, – поделился Евгений.

– Матери делать нечего, таскает вещи с места на место.

Перед Новым годом они приходили. Состоялся деловой разговор, Румянцеву сделали несколько предложений. Он от всего отказался.

Первую бутылку кончили быстро, Петя восторженно говорил о проектах, удачных сделках, Евгений вставлял фразы деликатно. О женщинах звука не произнесли. Гостевали недолго, на прощание синхронно сообщили:

– Пока.

Пару часов после ухода Андрей сидел за столом молча, сосредоточено смотрел в скатерть и сосал пиво. Забежала сестра, чмокнула в щеку, оставила коробку конфет – он любил сладости. Ожидая Сергея, вяло слонялся по комнате. Садился, открывал книжку, раз на третий просмотрев одну строку и с трудом освоив смысл, закрывал. Заходил в комнату родителей, тупо пялился в телевизор, удалялся.

К восьми стало ясно, Сергей не придет. Разделся и грузно повалился на постель. Свернувшись в комок и забив под себя одеяло, долго лежал, бессмысленно глядя в плотный мрак. Около десяти встал, зажег торшер. Затем верхний свет и светильник. Взял спортивные брюки и хотел, было, натянуть, но передумал. В трусах прошел на кухню к холодильнику, взял банку пива, начал взбалтывать, вознамерившись пустить струю. Не вышло: облил пол, себя. Извлек еще одну, проделал то же самое. Получилось удачней, окропил стену вокруг окна. Прошел обратно в комнату, достал записную книжечку, вслух выразился:

– Черт возьми, когда же это было в последний раз.

Улыбнулся, прикинув, что не прикасался к женщине больше четырех месяцев. Решил позвонить Наталье, невзыскательной девице, которую не видел около года, впервые посетовал на то, что родители принципиально не держали телефон. Из кухни донеслись причитания, в комнату вторглась мать, угрожающе выплескивала:

– Ты совсем рехнулся?

Андрей достал из шифоньера белье и полотенце, безразлично прошел в ванную, походя вяло рекомендовал:

– Отдыхай.

Стоя под душем, посмеивался, слушая, как разоряется в коридоре матушка.

Снял с вешалки пальто, она бросилась вырывать: «Куда поперся на ночь глядя! Не пущу».
Румянцев пояснил:

– Иду звонить. Буквально на десять минут.

Мама злобно ухватила одежду.

– Не пойдешь! Гляди, что наделал!

Андрей тоскливо посмотрел на отца, что боязливо жался к дверному косяку:

– Батя, скажи ей. На десять минут, ей богу.

– Андрей, действительно, не стоит, – заныл отец.

Румянцев молча отцепил женщину, накиннул пальто. Когда развернулся, натолкнулся на плотно стоявших в дверях родителей. Мама, женщина грузная, смешно раскинула руки и с театральной отчаянностью выкрикнула:

– Через мой труп!

Андрей недолго постоял, размеренно двинулся в комнату. Объял содержание взглядом, подошел к старой радиоле, с незапамятных времен неизвестно для чего стоящей на серванте, поднял и с гулким грохотом хряснул о пол. Мать робко взвизгнула, в проеме показалось испуганное лицо. Степенно подошел к столу, взял большую, долго служившую вазу, сосредоточенно вытряхнул содержимое и запустил в висевший на стене ковер. Ваза обиженно крикнула, на мгновение прилипла и с неблагозвучным звоном осыпалась. Мама тяжело развернулась и, осунувшись, ушла. Отец, нелепо взмахивая руками, судорожно бормотал:

– Ты что, сынок, ты что!

Андрей, стиснув зубы, вышел.

На дворе лежала усталая темнота. В лицо копал несвежий, засоренный снежной крупой ветер. Набрал номер, пусто слушал гудки, глядя на тусклые фонари окон. Голос из трубки приятно и отчетливо зазвучал:

– Да, я вас слушаю.

– Вечер добрый, Наташу можно? – произнес Румянцев.

– Это я... Аллю, слушаю.

Андрей провел рукой по лицу.

– Аллю, кто это? – напомнил голос.

«А ведь я не побрился», – подумал член общества, аккуратно повесил трубку и пошел домой.

Тридцать три года, тот самый возраст. Последние три были наваждением. Пухло разбогател. Теннис, сауна, пятница и суббота непременно ресторан, прочая атрибутика. Активный секс как протестная реализация. Собственно, революция, приятели даже самые в этом вопросе не проникновенные вовсю делились победами. Впрочем, из повествований удалился смак достижений, говорилось, как о сделках, предметом обсуждения все чаще становилась степень изощренности.

Однажды, движимый похмельным зудом посетил знакомую, сведущую девицу. Та, в компании с подругой в итоге возбудилась, достали приспособления и устроили сексуальный шабаш. Румянцева, смятого физической активностью дам и буйством воображения, больно поимели фаллоимитатором.

Он предчувствовал, должно воздастся, но к тому, что это произойдет так сокрушительно, оказался не готов.

Вообще говоря, товарищ не помышлял о поприще бизнесмена, тем более такой результативности. Причина была проста, в отрочестве резко проявились способности к музыке и, главное, великая к ней тяга. Лет в тринадцать, случайно заполучив в дом гитару, без тренинга овладел пресловутыми тремя аккордами. К пятнадцати среди сверстников считался самым музыкальным.

– Слушая тебя, Румянцев, – говаривала учительница по химии (речь шла о самодеятельных концертах), – я вспоминаю Робертино Лоретти.

Он поздно начал, вот, вероятно, что стало причиной отсутствия явной целеустремленности – вместе с общим недоверием к себе, это не пускало Андрея ставить конкретные задачи. В пятнадцать лет взялся за самоучитель по гитаре со смутными мыслями о фундаменте. В пору окончания школы было ясно, для профессионального музицирования пробелы слишком громоздки.

– Андрюша, ты гуманитарий, я вижу, – безапелляционно говорила мама. – Твоя стезя – университет.

Она чаяла видеть его историком.

– Тренькать в кабаках? Подачи собирать? Не знаю, – делал косвенные умозаключения отец.

– Главное – в армию не идти. Можно в горный институт, там проходной балл мизерный. Не потянул, на тройки (триста тридцать третий оборонный завод, откуда в армию не забирали), – утверждали друзья.

Пробовал, тем не менее, Андрей поступить в музыкальное училище, но заведомо уготовил неудачу. Заявил он себя не на вокал, что представлялось естественным, а по части гитары, и когда на первом же экзамене в нем засомневались, не стал искать иные пути, попросту забрал документы.

В политехнический институт поступил непринужденно, но и без удовлетворения. На третьем курсе без весомых оснований женился. Через полгода в том же угаре безрассудства, даже с некоторой забубенностью, разошелся. Наиболее видимый след за годы учебы оставили стройотряды, точнее, производное их, концертные бригады. Атмосфера бесшабашности, приподнятости, успеха, легкого заработка, наконец, удобно умещалась в натуре Румянцева и даже выявляла признаки характера. Кондовая безалаберность, снисходительность к получению знаний вообще и профессии в частности к моменту окончания вуза предоставили картину полной растерянности перед будущим.

– Андрей, – восклицала мама, массируя кончиками пальцев виски, – ты становишься полным ничем.

– Пора брать себя в руки, юноша, – сооружал строгое лицо отец. Такое обращение показывало крайнюю фазу озабоченности.

В НИИ Румянцев пошел работать по причине нежелания командовать кем-либо и непреодолимого неприятия понятия «рабочая дисциплина». Надо признать, поначалу его даже захватило. Ученая степень была тогда еще престижной штукой, разговоры в этой теме составляли неотъемлемую часть работы, и Андрей с удивлением заметил, что нередко и сосредоточенно помышляет о диссертации.

Не исчезли музыкальные занятия. Слава о парне доползла и до работы, ему, выражаясь фигурально, вменили возможность сварганить небольшую компанию для праздничных процедур. Случалось музицировать и старым составом. Собирал, кого получалось, один из давних приятелей Андрея, если выпадал хороший заработок на богатых свадьбах или иных мероприятиях. Поплавал раз с агитбригадой по Енисею.

Странности начались года через три после начала трудовой деятельности. Прежде всего Андрей при всем богатстве выбора женился на невзрачной на невнимательный взгляд девице в затемненных очках с развитой грудью и необычной манерой говорить. В первые же минуты знакомства она заронила подозрение о некоторой деланности, ответив на предложение назвать имя так:

– Вы меня Лескиной зовите. Это фамилия. Имя-то Светлана. Я светлая, пусть это не внешне. – Действительно, она была естественная брюнетка и само лицо казалось смуглым. –

Это хорошо, когда что-либо не совпадает... И я вас буду звать Румянцевым. Можно? Я вас знаю.

Румянцев пустился дежурно умничать:

– И давно знаете?

– С год.

– Вы проницательная, я начал себя узнавать буквально на прошлой неделе. И вообще, меня величают Андрей, это означает мужественный и как раз не совпадает. А вам я бы посоветовал быть проще.

Она удрученно призналась:

– Не в состоянии, проще совершенно не по мне.

– Вообще вы что-нибудь принимаете?

– Подарки принимаю, – спокойно поделилась она, – я подарки люблю.

В первый вечер Андрей постарался больше не общаться. Но вскоре довелось встретиться, под шальное настроение захотелось поиздеваться, он разговорился и неожиданно к манере привык. Позже эту ее особенность стал считать непосредственностью, а еще дальше глупостью.

Неестественность женитьбы заключалась в том, что о высоких чувствах речи не было и быть не могло. К моменту сочетания Андрей отчетливо видел, женщины существа слишком доступные, чтоб стоило на них тратить серьезные чувствами. Особой статьёй здесь явился практический вывод, что совсем прекрасный пол не охочь до высоких материй – это внутренне было Румянцеву ближе – поведение с пошлецей, а то и хамоватое гораздо эффективней.

Однажды после вечеринки, от начала знакомства прошло месяца два, Андрей проводил Светлану домой и, расставаясь, она покусилась:

– Румянцев, у меня к тебе великая просьба. Двоюродная сестра на сносях, ты все умеешь, достань импортную коляску.

– Через несколько дней позвоню, – случился ответ, – но пробуй и по другим каналам.

– Между прочим, я тоже беременна.

Спустя неделю Андрей привез ей коляску и в ходе разговора спросил:

– Чье, любопытно, произведение в тебе содержится?

Светлана коротко задумалась и твердо произнесла:

– Твое.

Еще через неделю Андрей позвонил и поинтересовался:

– Ну, и дальнейшие твои действия?

– Мне все равно. Как ты скажешь.

Минула еще пара месяцев и при нечастых встречах Андрей тему не муссировал. А когда спросил: «И что у тебя с внутренностями?» – Светлана бесстрастно пояснила:

– Аборт делать поздно. Буду рожать.

Надо сказать, и тогда не начал думать о женитьбе, но период совпал с длительной депрессией, которую высокопарно именовал парень «душевым кризисом». И верно, с ним нечто происходило. Зародившийся было интерес к науке в одночасье исчез – притом обозначилась тема кандидатской диссертации и он поступил в заочную аспирантуру.

По утрам просыпался с предчувствием вынужденного попадания в серый и долгий день. Все реже встречался с женщинами, друзьями, вечерами лениво слонялся по комнате, либо без понимания глазел в телевизор. Случалось, подходил к гитаре и, перебрав бессмысленные звуки, неделикатно ставил инструмент на место.

Когда Светлана была уже на седьмом месяце, Андрей привел ее в загс. Даже не раздеваясь поставили подписи (за свидетелей расписались работники заведения) и, по-деловому пожав друг другу руки, удалились. Вечером Светлана выпила немного шампанского, Андрей один бутылку коньяка.

Однажды, сыну набралось полгода, из-за совершеннейшего пустяка Румянцев повздорил с начальником лаборатории. После глупых препирательств наш герой твердо заявил:

- Или я поступаю по-своему, или пишу заявление об уходе.
- Пиши, – коротко бросил тот.

Если с женьбой Андрей так и не понял, что произошло, то уход с работы обнаружил самому неведомые черты. Никаких сожалений не случилось, но спала хандра. Дело происходило весной, Андрей полюбил гулять с коляской, наблюдать за озабоченными прохожими и слушать деловитое щебетание птиц. Внезапно под вкрадчивое прикосновение мягкого и терпкого ветерка в голове начинали роиться звуки и образы. Однажды наполненный неведомой и пряной силой взял гитару и сложил нестерпимо волнующий мотив. Тут же накатыл слова и целый день потом находился в тумане хмельного восторга. На другой день возбуждение сошло, мотив песенки показался вроде бы слизанным, слова несколько корявыми, однако даже воспоминание о процессе сочинения заставляло биться сердце тревожно.

За месяц Румянцев спял песен десять и хоть видел, появляются повторяющиеся фразы в музыке, а слова вообще однотипные, ему казалось, что две-три вещицы получились. Особенно легко возникали мелодии, их он составлял мгновенно. Много сложнее выпадало на тексты, здесь бился другой раз по три-четыре дня.

Но главная проблема, конечно, состояла в неудобстве перед окружающими. Жили у родителей, и Андрею, молодому, крепкому мужчине, было совестно заниматься подобными пустяками на глазах у стариков, без того глядящих на него, бездельника, с укором, да и у жены, хоть кроткой, но, очевидно, неудачливой. Между тем нужно было существовать. Отсюда, пожалуй, можно начать отсчет новой, никем не предсказанной и непредвиденной самим жизни.

Необходимо оговорить, что тогда добыча денег приняла гротесковую форму. От не такой уж и доступной возможности музицировать в ресторанах отказывался, на музыкальной ниве даже случайных заработков в итоге не стало. Дело дошло до того, что пустился подрабатывать в ЖЭКе: плотничал, чинил крыши, выполнял разное. Чего ждал, было неясно. Безусловно, отсюда согласился на предложение соседа, Сергея, парня того же возраста поработать на «армян» – они хорошо платили.

Тогда в моду только начали входить так называемые мыльницы – женская обувь пляжного типа, изготовленная из пластиковых материалов. Предприимчивые «армяне» (кавычки, оттого что на самом деле они были езиды, выходцы из Тбилиси, основательно осевшие на Урале) ловко обошли тучную советскую промышленность и наладили подпольное производство.

Цех находился в местечке под названием Кедровое, километрах в тридцати от города. Располагался в трех комнатах неказистого одноэтажного здания с громким названием «Служба быта». По существу производство не было нелегальным, ибо входило в сеть мелких предприятий, объединенных организацией, именующей себя Свердловлоблбывбыт. Однако по документации цех обязывался производить галантерейные услуги (объединение это допускало), соответственно сумма отчислений в бюджет объединения оказывалась смехотворной в сравнении с достигаемой реально прибылью. Контроля за доходами практически не наблюдалось. От подобных производств и пошли так называемые цеховики.

Организатором всего дела был Азиз, лохотный и живой, несколько склонный к ожирению тридцатилетний где-то мужчина. По-русски он говорил без малейшего акцента. «Андрюха, какие проблемы. Диссертация заела? Купим». Румянцев, стесняясь своей неприкаянности, лгал, в том числе Сергею, что до сих пор числится в аспирантуре, кропает диссертацию на дому.

К Андрею Азиз испытывал ласковую снисходительность. Глядя на только вошедшие в моду телевизионные шоу по аэробике, он обращался непременно к нему:

- Андрюха, эту потную бы сюда, а? Вот-вот, в этой позе, а?

Азиз уже тогда был достаточно известным человеком, потому что первые шаги, и вполне заметные, в сфере бизнеса сделал на самом крупном в городе ремонтном предприятии ВАЗа.

В то время люди, работающие там, вызывали интерес и уважение. Он был женат на русской, имел сына. Года через три его убьют, и это будет одно из первых звучных деяний в длинной череде, которые время от времени терпко и интригующе будоражили город.

Сам Азиз нечасто находился в цехе, непосредственно руководили процессом его младший брат Нодар (Надр по паспорту) и специалист по литейному производству – правда, как казалось Андрею, больше теоретик – полный и добродушный Ярем.

– Ерема, понял? По-нашему, Ярем. – Изъяснялся он тоже чисто.

Нодар говорил грязновато и у Андрея вызывал наибольшее любопытство. Смуглый, поджарый, с точеным серповидным носом, он имел манеру закреплять резинкой в пучок длинные, смоляные волосы. Его мутные, безразличные, но странно притягательные глаза – как оказалось, следствие курения травки – выдавали жестокость. Говорил редко, но обильно.

– Мужики, снова в сехе грас! Я прошу, минэ продукция нэ надо, но давайте делать чисто. Что ми, животные свиньи какие-чтоли? Смотри за миной, как это дэлят... – Хватал веник, делал пару бесполезных движений, далее, бросив веник посреди комнаты, в отчаянии вздымал к голове руки. Впрочем, его никто не слушал и убирался, да и то весьма недобросовестно, лишь в конце смены, справедливо считая это бесполезным занятием.

Работали в цехе Сергей, Вовка, молодой шалопутный парень, брат жены Азиза, и Слава, бывший таксист, как и Нодар, любитель травки, но в отличие от того еще и почитатель зеленого змия. Дня через два после появления Андрея Слава ревниво и недоброжелательно высказался:

– Ты особо здесь работать не рассчитывай, скоро из Тбилиси народ подъедет. Ты – случайный.

Верно, попал сюда Андрей благодаря редкой удаче. Зарботки были бешеные, при этом не требовалось особых физических усилий и никакой квалификации. За одну отливку, «удар», Азиз платил рубль. За двенадцать часов смены вдвоем делали по четыреста с лишним ударов. В институте Андрей получал за месяц много меньше. После смены шли спать в расположенное рядом общежитие, через двенадцать часов снова на работу. Процесс был непрерывный, ибо продукция, что называется, шла влет. Нодар с Яремом ежедневно привозили с реализации полиэтиленовые мешки денег.

Удача сложилась из того, что Сергей работал до той поры в объединении, в другом цехе и был специалистом практиком по литейным механизмам. Когда Азиз затеял дело, ему порекомендовали его. Сергей устанавливал машины, настраивал и запускал. Рабочих Азиз привез из Тбилиси – родственники или друзья. Но это произошло позже, а на период раскочки хозяин дал подручному возможность подобрать подходящего человека. За литейной машиной Андрей проработал неделю, дальше начали подъезжать основные люди. Однако на подхвате продержался еще пару недель. Деньги получал уже не те, но приличные.

Именно в минуты однообразной работы начали возникать у него мечты о записи своих песен. Вообще говоря, сделать это более-менее качественно при возможностях Румянцева было реально. Но исполнять их пришлось бы составом. Однако как только в воображении появлялся кто-либо кроме нашего парня, удовольствие от фантазий бесследно исчезало. Причин этого не понимал. Странный, необъяснимый бзик – отчего-то никого, даже Светлану к сочинениям своим не подпускал и однозначно не собирался.

На заработанные деньги Андрей купил какие-то шмотки жене, а остальное, правда, по случаю, вбухал в очень качественный магнитофон. Уже имелся плохонький и покупка могла показаться нелепостью, если б он не понимал – это первый, пусть импульсивный шаг. Однако чтоб стать последовательным, Андрею понадобилась бы еще куча дорогой аппаратуры – в его условиях без посвящения понимающих людей в затею реализация невозможна. А тут вставала стена.

Отчетливо стало ясно, он обладатель пунктика, комплекса, идиотизма, наконец, когда состоялась одна запланированная встреча со старым знакомым, имеющим выход на качествен-

ную аппаратуру. Андрей готовился, прорабатывал варианты обтекаемого, на уровне намеков, разговора о желании кое-что записать. Во время встречи обзавелся непреодолимым ступором, так и смолчал, затем ненавидел себя смачно и продолжительно. А после того, как в процессе нескольких пьянок ташил из себя предложение выдать на общий слух «какое-либо-нибудь» и в самые ответственные моменты зов был заглушен неведомым чувством, когда еще и добавился анализ всех последних походов, понял окончательно – бесхарактерен, никудышен, безнадежен.

И как раз здесь судьба совершила дерзкий кульбит.

Сергей, продолжая работать в цехе после ухода Румянцева, время от времени приезжал на два-три дня в город. Непременно сидели семьями с выпивкой, разговорами. Симпатия была обоюдная, тем более жены крепко сблизилась. Понятно, Сергею приятно было говорить о работе:

– Что бы они без меня делали! Тут обмотка перегорела. Восемь часов простояли, два проводка связать не могли. Так бы и стояли, пока за мной сбегать не догадались.

– Слуши, дарагой, – обращаясь к Андрею и подражая хозяевам, шутил Сергей, – думаю машина брат. Девятка путовой предлагают, ты как думаешь?

Между тем вскоре общий благостный настрой Сергея стал утихать.

– Блин, – сердечно возмущался он, – там один козел есть. Ти, Сарожа, хароши щаловек, но ти не наш щаловек... Фуфлыжник же на деле последний! Три дня учил его пресс-форму разбирать. Ты, например, за день научился.

Давление, вероятно, присутствовало. Из русских остались двое, он и Вовка. Но тот родственник, а нужда в Сергее как в специалисте уже отпала, сами овладели процессом.

Однажды во время очередной посиделки Андрей, не движимый какими-то предварительными соображениями, а так, с кондачка, спросил:

– Серега, а почему ты сам такое производство не организуешь?

Тот от неожиданности разве не опешил.

– Так это... не знаю... – Впрочем, тут же обрадовался: – А-а, пресс-формы же нет!

Действительно, основная проблема заключалась в пресс-форме. Это была сложная, качественная, требующая высокого профессионализма в изготовлении конструкция. И тут Румянцева осенило, существовал человек, способный изготовить подобную вещь. Но сейчас Андрей смолчал, однако мысль уселась прочно и беспокойно.

Надо же так случиться, что недалеко от этого разговора Румянцев встретит того парня. Об этом персонаже надо сказать особо, потому что события будут складываться при его ошутимом участии.

Тесные отношения с Виктором – сверстники кликали его Чайкой (замысловатая производная от фамилии Нечаев) – начались со школы, после эпизода экстравагантного: Чайка начал Андрей физиономию.

Это был высокий статный красавец с великолепной шевелюрой, дерзким, даже отчаянным характером и непомерным властолюбием. Он любил устраивать в учебном заведении профилактику. Объекту, заведенному в туалет на перемене его подручными, лениво говорил:

– Ну что, фруктоза. Ходят слухи, что вы испытываете лень к учебному процессу, – и совал кулаком в сопатку.

Естественно, Андрея, в девятом классе переведенного в эту школу, удостоили профилактики. По недоразумению, молва о Чайке его еще не тронула, он сдал сдачи, за что был примерно поколочен. Однако тот вскоре проявил к Румянцеву необъяснимый интерес, они крепко сдружились. Собственно, Виктор первый посвятил нашего друга в практические прелести нездорового образа жизни. В течение последующих лет учебы ребята были, что называ-

ется, не разлей вода, и охладели друг к другу через пару лет после школы, когда Андрей окончательно окунулся в жизнь студенческой элиты – Чайка, избегая службы в армии, поступил на оборонный завод (упоминали, трояки).

Охлаждению способствовал случай, который просится в отдельные строки.

Чайка был богат братом, человеком феноменальным и роскошным. Но речь пойдет не о нем, а о мотоцикле, которым тот обладал. Это был агрегат фирмы Ямаха, потрясающая по необычности, тогда и фирму-то плохо выговаривали, и качеству вещь. По широте Чайки старшего (страшного, говорили во дворе) младший и Андрей пользовали средство передвижения беспощадно.

Как-то раз поехали на Чайкином мотоцикле в деревню. Там жила многочисленная родня Румянцева – мать здесь родилась. Тетка Ефросинья, душа – детство парень у нее провел – пельменями потчевала, брагой: племяш любимый на бравом мотоцикле прибежал, положено. Как смерклось, в клуб прикатили, Андрей за рулем. Перед «парадным» погремел мотором – а как же. Хлопцы деревенские руки жали – вместе в детстве «дурели» – механизм гладили, диковинная штука. Наливали водку в закутке.

– Баской мотосыкл, – говорили уважительно.

– Сто шестьдесят на дублере дали. Когда двое сидят и зад не прыгает, – внушал Андрей.

Девушки шушукались, хихикали, взглядами пестовали. Одна смелая поздоровалась.

Спать Андрей еле признал – сестра далекая.

– А ты ничо, – комментировал, – подросток.

Девушка на два года всего и младше была, шестнадцати лет.

– Ну, садись, прокачу.

Чайка строго взглядывал:

– Стоит ли?

– Не мохай, – важно ронял Андрей.

Чуть не упал, в бездорожье завез. Сестра и хихикать перестала, так коряво вез.

Через час Андрей распорядился – пылал вечер, кружились лица в хмельном хороводе, бился в груди колючий жар азарта – вязко, шатко направляясь к мотоциклу:

– Поедем, Витек, к братану, браги попьем.

– Брось, едем спать.

– Тут все мое, – кричал Андрей сквозь рев мотора. Чайка плотно прижался сзади.

Уехали недалеко. Вывернули на тракт, Румянцев и скорость большую набрать не успел, когда в дрожащем свете фонаря возникли, приближаясь резво, два робких силуэта. И рядом совсем, готовясь пронестись мимо, вдруг заколыхался один и прыгнул навстречу.

Случилось следующее. Дорога была узкой: одну сторону ремонтировали и здесь навалены были щедро груды щебня. По стороне где ехал Андрей, шли двое. Когда сравнялись, один обернулся и хорошо пошатнулся – так, что угодил прямо под мотоцикл.

Дальнейшее помнил урывками. Встает с кучи щебня. Чайка что-то делает с мотоциклом. Нудно, отвратительно мешает нечто в глазу. Андрей шарит рукой и находит небольшой, острый камешек, торчащий в брови. Убирает и шатко, испуганно спешит к мотоциклу.

– Мужики, вы же его убили, – весело бормочет какой-то парень, склонившись вместе с Чайкой к лежащему посреди дороги телу.

– Заткнись, – свирепо цедит Чайка, – сейчас проснется.

Андрей помогает поднять тело, отнести подальше, к воротам стоящей напротив избы. Из уха человека обильно падает кровь. Время скомканными, грязными кусками выплывает и исчезает в вязкой кромешной бездне. О чем-то разговаривает с вдруг образовавшимися откуда-то женщинами Чайка. А, вот:

– Как быть нам?

– Вы у Фроси? Да что алкашу делается. Полежит, очухается. Если неладно, мы скорую позовем.

Андрей склоняется над безмятежным, невнятно хрипящим телом. Его отнимает Чайка.

– Едем, – коротко, нервно приказывает.

И пустота, хлесткая, горячая обливает мозг.

– Что это! – испуганно спрашивает тетка, показывая на разбитую бровь Андрея.

– С деревенскими подрались, – объясняет Чайка.

Утром Андрей проснулся, будто и не пил вчера. Первое, что увидел – внимательный, осторожный взгляд лежащего напротив Чайки. Страх искристой патокой пополз в оживающее тело.

– Надо сказать тетке, – тихо произнес друг.

Та испуганно заерзала руками и, судорожно переступая, качая громоздкое тело и причитая: «Ох, недаром душа с места сошла», – уторопилась к месту содеянного.

– Вроде тихо, – вынула, вернувшись вскоре.

Андрей устало откинулся на спинку стула, спросил:

– Надо чего сделать по дому?

– И не знаю. Буди, грядку в огороде вскопать.

– Давай лопаты.

– В сенках. – Помолчала. – Ох, сердцу беспокойно. Тожно пойду еще, сведаю.

Тетка пришла, лицо несла каменное, величавое.

– Увезли мужика ночью. На скорой. Изошел хрипом.

Навалилось.

– Едем в больницу, может надо чего, – кипел в отчаянии.

– Не вздумай, – пресек Чайка. – Домой бежим.

– Как же домой – может надо чего!

– Ладно, садись.

Когда увидел, что в больницу Чайка сворачивать не намерен, ту же вжался в его спину.

В городе дворовое кодро поило – домой не попал – отесняя грядущее, рассказывали тюремные истории. Андрей кичился, нес ахинею бравады... К вечеру, сидели в сквере недалеко от дома, увидел – тетка колышетя, с ней жена дяди из деревни же.

– Умер мужик-от, – вякнула испуганно тетья.

– Семь лет, отвечаю, – объявил один дворовый пьянчужка, на дармовое присоединившийся.

Через два часа домой доставили. Там консилиум. Свояка родители – люди большие. Приятели отца, тоже народ немалый. Отослали спать. Поскулил, поплакал в подушку, да и уснул.

Утром в шесть часов звонок. Наряд милиции.

– Одевайся, сынок.

Мама пальцы кусала, не смотрела в лицо.

Мурыжили немало, в отделении нарушителей многогнко пришлось. Спрашивали – выпрастывал. Страшно было, но терпимо: народ разговором охранял. Первый раз по-настоящему схватило, когда к гаражу привезли – осмотр мотоцикла следовало сделать. Закончили опись, один милиционер предложил: «Поехали, парень». Пацаны сигареты совали:

– Мы с тобой, Андрюха.

– Живы будем, – с фанаберией кривил щеку Андрей.

И сестра – здесь же толкалась, мать с отцом сил не нашли – смотрела внимательно, да резко уронила голову и рыданула горько в скрюченные ладони. Тут в горло и вцепилось. Длань страшная, деспотическая мяла, корежила.

Самое отчаянье пришло в КПЗ. Привезли в Белоярку (районный центр, к которому относилось место происшествия), в камеру поместили одинокую – спокойно тогда жилось. Стены

корявые, пупырышками набрызг-бетона отвратительные. «Да как же! Мальчонка, недавно восемнадцати добился – в тюрьму... Не хочу! Страшно!» Такая наваливалась жуть, что смерть представлялась единственным спасением... Примерялся – разбежаться пошибче и башкой в стену. Абсолютно серьезно. И рвался из глотки крик.

К вечеру подсадили человечка – курицу у соседки ощипал. Он и отобрал отчаянье. Бывалый мужик, сживал... Через три дня отец забрал. Под расписку, называлось.

Чем дело могло кончиться, бог ведал. Мужик пьяный был (завклубом, час до того Андрей с ним водку пил). Об одной ноге – шатнуть под мотоцикл могло вполне (парень, что рядом шел, хорошие показания дал, работали с ним). Опять же не по-правилам шли, по другой стороне положено. На Андреев хмель аргументов не нашлось, Чайка скумекал. С другой стороны, шестеро детей осталось – от четырех до двенадцати. Иное дело, двое только кровных, но все одно кормилец. Коротко говоря, три месяца до суда юноша кучеряво пожил. Там и ссора невеликая имела место. С полмесяца прошло после случая, разговор происходил. Чайка что-то доказывал, Андрей в дурном настроении возразил. Тот глаза сузил и произносит:

– Зря ты, мальчик, со мной так себя ведешь.

Андрею бы угодить Чайкиному самолюбию, как делал не единожды, но что-то встало, не пошел кланяться. Так два с лишним месяца не разговаривали. Перед судом Чайка сам пришел.

– Что говорить будем? Надо сверить показания...

«Три года общего режима», – объявил судья приговор. Скрипнули стулья в громоздкой тишине. Еще говорил, затем слово вымолвил – «условно». Спалил Андрюша дотла замусленные родительские сбережения.

Работая на заводе, Чайка неожиданно проявил способности и приобрел квалификацию высокого специалиста по изготовлению штампов. Даже выполнял один сногсшибательный заказ для столпа микрохирургии глаза Святослава Федорова.

Андрей с Чайкой, разумеется, порой встречались, предавались утехам молодости, но уж не существовало нужды друг в друге, общности интересов. Одна такая встреча кончилась весьма злополучно. У общего школьного товарища случился день рождения, на который традиционно собирались старые друзья. Чайка пришел с женой – холостыми оставались Андрей и еще один парень. Присутствовали новые приятели виновника торжества, один из них под конец вечера начал флиртовать с женой Чайки. Дело кончилось тем, что после недолгих препирательств и маханий руками тот сходил на кухню, взял нож и довольно глубоко всунул его в живот оппонента.

В суматохе правонарушитель исчез и пришел минут через пятнадцать после того как прибыли «скорая» и милиция. Он явился переодевшись, в ватнике и плохоньких штанах, войдя, сумрачно объявил:

– Я готов.

Присудили два года, завершив их, Чайка вышел безнадежно озлобленным на жизнь человеком. Андрей пытался устроить другу после звонка хоть небольшие праздники, но так стали духовно далеки, что было тягостно удерживать общение. Вскоре от Чайки ушла жена, он окончательно замкнулся и, придется признать, с облегчением Андрей освободился от некоторого чувства вины.

Обратно на завод Чайка не пошел, а ударился мыть малинку, считалось это прибыльным промыслом. Однако вскоре напарник его к делу охладел, поскольку зимой промышлять приходилось в дальних краях, и жена возбудила претензии – одному же заниматься добычей было несподручно. Именно в период деловой пассивности старые друзья встретились.

– Слушай, – после обмена последними впечатлениями о жизни, сказал Андрей, – может так случиться, что понадобится специалист.

Когда дал раскладку, Чайка необратимо разволновался и даже начал потряхивать Андрея за рукав. Впрочем, Румянцев сам нашел подъем, при очередной встрече с Сергеем не стал устраивать прелюдий и обиняков:

– Вот что, Серега, я нашел человека, который берется изготовить пресс-форму. За качество ручаюсь. Думай.

И Сергей решился... Встретились, выпили две бутылки водки, составили программу действий. Вечер и многое от ночи тогда провел Андрей в чрезвычайном возбуждении. Доходил июнь, Чайка обещал изготовить пресс-форму за месяц, в лучшем случае реализовать продукцию могли в августе, а там кончался сезон. Сергей собирался еще поработать, нужны были вложения. Андрею пока отводилась роль статиста.

Начало сложилось неудачно, уже через неделю выяснилось, что изготовить приспособление за месяц нереально – трудно было найти материал, к станкам для обработки материала допускали только на несколько часов в день, и то с большими оговорками. Сергей, надеясь на лучшее, уже спровоцировал размолвку с работодателями и от них ушел. Вообще, он оказался в самом невыгодном положении: от больших заработков сам же отказался, свое дело явно зависало, деньги на раскрутку приходилось вносить в основном ему. Но самое для него щекотливое, если не кусачее, было то, что армяне брали зарок не выпускать дело за границы цеха.

– Мужики, – говорил Нодар еще в зародыше, свирепо хлопая ресницами, – если кто про нас скажет, возьму за яичко и к паталок привяжу.

Азиз при этом молча улыбался и внимательно обводил присутствующих маслянистым взглядом. Что уж было говорить об организации своего дела... Андрей признавался, на месте Сергея он бы на такую авантюру не стронулся. Решающим обстоятельством в пользу наших делег было то, что выпуск продукции хотели организовать анонимно, к тому же Чайка обещал все разборки, если возникнут, взять на себя.

К концу июля стало окончательно ясно, затея провалена, пресс-форма и в половину не была готова.

– Да, сосед, – нервно роптал Сергей, – о тачке мечтал, катается кто-то сейчас на моей мечте.

– Крысы, – зло шипел Чайка, – кругом крысы.

Румянцев в отчаянии разводил руки.

В довершение Азиз все-таки узнал о происках троицы. Поведал о его осведомленности Славка: он поддерживал с Азизом какие-то отношения, хоть в цехе уже не работал и симпатии к прежнему работодателю не испытывал. Встретил случайно Сергея и предупредил. Легко можно представить состояние того, тем более что Чайка, следуя своему обещанию, мог только ответить на наезд. Первый ход оставался за Азизом, и каким он будет, никто не знал. Но случилось так, что весь груз конфликта лег на Румянцева.

Однажды, стоял конец августа, Андрей со Светланой расположились возле подъезда, употребляли погоду. Светлана занималась Артемом, Румянцев безмятежно наблюдал за птичьей кормежкой. Подъехал автомобиль. Из него вышли Нодар и еще один парень. В машине оставались Азиз и водитель. Увидев Румянцева, Нодар удивился, вскинул брови и без плохого сказал:

– Какой судьба! Ты почему здесь находишься?

– Живу в этом доме.

Ясно стало, о соседстве Андрея и Сергея Нодар не знал. По всей видимости, об участии его в каверзе тоже не подозревал.

– Пх, Сарожу мне надо. Скажи, дома-нет?

– Не знаю, – беззаботно ответил Андрей. Он знал, того нет.

Из машины выбрался Азиз, улыбнулся, пожал руку. Пока Нодар отсутствовал, немного поговорили. Но когда посланец вернулся и «армяне» полезли в автомобиль, неожиданно для себя Румянцев заявил:

– Азиз, мне надо с тобой поговорить.

Немного отошли от машины, напряженным голосом спросил:

– Вы из-за пресс-формы приехали?

Визави пристально посмотрел и, мгновение помолчав, произнес, как бы уговаривая себя:

– Ты, стало быть, в курсе.

– Дело в том, что тут моя инициатива, Серегу я укатал.

Азиз с любопытством поглядел и двинулся к автомобилю, коротко бросив:

– Садись.

У Румянцева внутри тотчас отчетливо засосало, увидел, как задрожал безымянный палец. Бодренько вякнул Светлане: «Я скоро», – полез в машину. Тут же Нодар запальчиво заговорил по-своему, Азиз оборвал короткой фразой.

Далеко не повезли, остановились на кольцевой трассе в относительно безлюдном месте. Вчетвером вышли из машины, водитель остался.

– Вот, пожалуйста, – объяснил Азиз. – Конкурент. Сережу, оказывается, он из цеха убрал.

Ни секунды не размышляя, Нодар ткнул Андрею кулаком в лицо. Тот, отпрянув, сумел немного амортизировать удар. Отскочил, но тут же вернулся на место.

– Подождите, – заговорил горячо, подняв и растопырив ладони. – Азиз, неужели вы серьезно хотите сохранить монополию? Абсурд! Я бы мог назвать несколько людей уже имеющих пресс-форму. Так не делается!

Нодар молча пошел к машине, полез в нее, достал короткий деревянный черенок. Андрей обмяк и опустил голову. Остановил Нодара Азиз.

– Ладно, садись в машину, – бросил он Андрею и, усевшись сам, спросил: – В каком состоянии механизм?

– В зачатке, – хмуρο буркнул Андрей.

– Там пускай и остается.

– Зачем остается? – вспльчиво вмешался Нодар. – Ты сделаешь и принесешь нам!

– Нодар, я пешка, – разъяснил Андрей. – Там крутые люди и от меня ничего не зависит.

– Ты не понял, что тебе сказали?

Румянцев угрюмо промолчал.

– Выходи, – въехав в городские улицы, рекомендовал Азиз. – Мы еще увидимся.

Месяц находились в напряжении. Но все обошлось. Действительно, появились настоящие конкуренты и, надо полагать, о нашей троице забыли.

Жизнь тем временем погрузилась в осень. Нужно было что-то предпринимать. После некоторой возни с начальством объединения решили открыть цех по изготовлению детской обуви. Основной куш намеревались сорвать будущим летом на мыльницах, но для прикрытия возникла необходимость вникать в дело неизвестное.

Начали с нуля. Сергей занимался общей организацией, Чайка мастерил инвентарь на подошву, Андрей вникал в процесс изготовления заготовок. «Пути Господни неисповедимы», часто думал он, сидя за швейной машинкой. К концу зимы соорудили первую пару.

Продукция пошла лихо. Наняли двух заготовщиц. Появились деньги. К весне надумали брать еще заготовщицу. В этом качестве Андрей решил устроить жену. Артем ходил в ясли, швейной машинкой Светлана владела.

Надо бы, наконец, вспомнить и о ней, ибо сказать есть что.

После родов Светлана неожиданно преобразилась. Что называется, расцвела. Будучи к ней устойчиво равнодушным в первые месяцы совместной жизни, Андрей с удивлением обнаружил, что она все чаще занимает внимание. При этом приходилось констатировать, что не есть это следствие необходимости тесного общения.

Отчего-то много в ней стало раздражать, но было раздражение не отталкивающим, а скорей ревнивым. Вдруг пустилась, скажем, Светлана пристально следить за собой. Быстро убрала

послеродовой живот и приобрела манкую, плотную фигуру. Вообще, и тело жены и поведение ее в постели Андрею нравились, но оттого что это появилось, стало в новинку, зачем-то подспудно настораживало.

Светлана сняла очки и напялила линзы. Это необычайно пошло глазам, появилась туманная, многообещающая поволока. Даже голос стал особенным. Прохожие затеяли плотоядно крутить головы, и сам Андрей пустился подглядывать за гражданкой как бы со стороны.

Выпростался вдруг у жены вкус, даже изыск, что, впрочем, просто объяснялось: родители состоялись людьми интеллигентными. Тем нагляднее выпятилось разляпанное мышление, что держал Андрей за непроходимую глупость.

– Света, зачем брать столько сметаны? – шпынял, случалось, он. – Ты же видишь, холодильник сломан. Продукт пропадет!

– Разве я виновата, что он сломан? – искренне недоумевала она.

Раздражала ее полная бесхозяйственность. В пору скудного существования могла на оставшиеся деньги набрать какого-либо никчемного продукта, серьезно заявив притом, что нужно делать запасы. В ней напрочь отсутствовало то, что называют расчетливостью. Причем не только в быту, но и в человеческих отношениях. Как к этому относиться, Андрей не знал и вносил в негатив.

Между тем вынужден был признать, супруга обладает тонким, изящным, пожалуй даже, обаянием, которое наиболее приближенно можно именовать женственностью. И может быть, самой импонирующей чертой явилось отсутствие в ней властолюбия, а то и просто себялюбия. Отметим, этих женских качеств Андрей насмотрелся хотя бы в матери, единственным положительным следствием чего была непреодолимая жалость к отцу. Да и первая жена в этом отношении оказалась штучка. Причем с претензиями столь нелепыми, фальшивыми, что впоследствии на проявления аналогичные он испытывал душевную оторопь. Словом, Светлана начала преподносить неожиданные ракурсы и своего отношения к этому Андрей не определил.

Тем временем пробивались ростки разлада в троице. Первоцвет пришелся на образование свободных денег. После очередной крупной реализации (уж раздали долги) Чайка, рассортировав деньги, безапелляционно объявил:

– Мужики, я тут подумал. Денежные дела вести буду я. Берем по пять сотен, остальные дома спрячу. В конце месяца делим весь куш. Так будет удобней.

– Почему это по пять? – возмутился Сергей. – Мне надо восемь.

– О`кей, – бодро снизошел Чайка, – берем нынче по восемь.

Непонятно было, почему «так удобней», почему вообще нужно месяц неизвестно для чего держать деньги холостыми. И совершенно неясно, почему «денежные дела» должен вести Чайка, тогда как естественно это делать Сергею, ибо он был номинально главным по цеху (числился бригадиром) и просто основным организатором... Вечером, во время обмывания Чайка радостно хлопотал с закусками, Сергей удрученно терзался своей мягкотелостью.

Ягодки пошли в конце весны. Достали пресс-форму на мыльницы. Попробовали первую партию. Товар пошел.

Надо сказать, что конкуренция оказалась довольно плотная, но ребята сделали верную ставку. Модель была снята с немецких каталогов, такой не существовало ни у кого. Даже торговавший рядом Ярем – теперь он руководил делом в Кедровом, Нодар и Азиз, видимо, занялись другими вещами – покрутив изделие ребят, уныло заявил:

– Нда, вещь серьезная, ничего не буду говорить.

Пошли деньги, рентабельность составляла порядка тысячи процентов. И обнаружили нюансы. Станным образом изменилось расположение ролей. Сергей с Андреем встали за литьевую машину, что было вполне логично, ибо имелась практика. Чайка занялся общими делами, что тоже, в общем, имело основания, поскольку пресс-формы были закончены, и в

свое время парень поработал один. Но если Андрей мирился с положением вещей, то Сергей явно испытывал дискомфорт.

Помимо того, купили старенький автомобиль – без него и впрямь было неудобно – и хоть оформили на Сергея, он имел настоящие права, ездил подавляющим образом Чайка (по липовому удостоверению). Отвозил и привозил Светлану с реализации – торговать поставили ее – и вообще, целыми днями крутился неизвестно где, пускаясь в разные аферы. В связи с этим возникали несуразности, которые крайне раздражали Сергея. Скажем, приходили подозрительные личности и немилостиво спрашивали:

– Где начальник?

– Я начальник, – угрюмо отвечал Сергей.

– Я серьезно, – раздраженно домогался личность. – Красивый такой, Витей зовут.

Сергей зловеще молчал. Андрея это вовсе веселило.

Другое дело, аферы приносили сравнительно небольшой доход, и Чайка добросовестно им делился. Становилось ясно, отношения Сергея и Чайки приобретали остроту. Неудобство для Андрея здесь составляла необходимость держать чью-либо сторону.

Здесь придется отметить, все больший смак в ситуацию принялась вносить Светлана. Она-то уже просто набухла навязчивым, дурманящим цветом. Находясь возле рампы торгового мира, женщина, помимо полной смены гардероба, то ли обзавелась, то ли окуталась, выпростав подспудный, многозаметный шармом. Андрей с неожиданной тревогой, как-то попав на улицу Вайнера, центральное тогда торговое место города, наблюдал за суетой вокруг нее фешенебельных молодчиков и рьяных лиц кавказской национальности.

Но самое навязчивое было бросающееся в глаза влечение Чайки и Светланы друг к другу. Они практически не разговаривали, но вели себя настолько согласованно, что выпрастывалось ощущение недоразумения. Однажды и вообще – привезли Светлану на реализацию вместе с Румянцевым, и Чайка по делам исчез – подошел некий ухарь и полюбопытствовал:

– Светик, где муж?

Та незатейливо ответила:

– Витя-то? Сейчас подойдет...

Однако все возмещали деньги. Много было перекаатов, омутов и поворотов, но мощна набухала, сочилась избытками, ввергая в фантазии самые дерзкие, и заглушая нет-нет да выглядывающее предчувствие беды.

Все поставил на свои места очередной дележ денег. Когда собрались, чтобы получить свою долю, Чайка вдруг предложил странное решение:

– Вот что, Серега. Машина на тебя оформлена?

– Ну.

– То есть она фактически твоя. Значит, делаем так. Вычитаем из твоей доли стоимость машины и делим на троих.

Сергей ошалело вытаращил глаза и хлопал губами в полной неспособности что-либо произнести.

– Ты что, дерьма обожрался! – наконец ожил он. – Машиной пользуешься ты один, загибешь ее, а вся амортизация ляжет на меня? Не-ет!

– Я пользуюсь ей для цеха, а не для себя, – спокойно возразил Чайка, но в глазах его зашаял дурной огонек.

– Короче, – нервно чеканил Сергей, – сейчас делим деньги поровну. Придет время, авто продадим, снова деньги поделим.

Прозвучало резонно, но Чайка остался тверд. И Андрей понял, это демарш – человек вознамерился окончательно взять власть. Собственно, слово оставалось за Андреем. Было понятно, в любом случае просто так дело не кончится, нужен решительный шаг. Он взял сторону Сергея.

На другой день Чайка прибыл пьяный, нехороший.

– Ты что, за рулем? – укоряюще посетовал Андрей.

Чайка прошел мимо, обожгло предчувствием. Сергей напряженно суетился возле обуви. Чайка вдруг пнул по безмятежно лежащему на полу тапку и зло выкрикнул:

– Не надо обувь разбрасывать! Понятно? Не надо!

– Слушай, – дрожащим голосом выдавил Сергей, – нажрался? Так иди домой.

– А ты мне не указывай, – отчетливо и угрожающе спокойно возразил Чайка. – Именно ты... – он ткнул в воздух, будто в живот Сергея, – мне не указывай.

Сергей молча вышел. Андрей с сердцем заговорил:

– Ты чего добиваешься? Нам же вместе работать, возьми себя в руки!

Чайка обмяк и ясным взглядом смотрел на друга.

– Ты, Андрюша, ноль, – едва не ласково произнес он. – Запомни это.

Андрей пошел из комнаты, походя глухо бросив:

– Идиот.

Вскоре зарокотал мотор, Чайка уехал. Андрей и Сергей молчали.

Часа через полтора Чайка появился снова, чуть живой. Ничего не обсуждая, сели в машину, Сергей за руль, Андрей сзади, Чайка впереди. Ехали молча. Подъехали прямо к подъезду Чайки.

– Все, – сказал Сергей, – прибыли. – Чайка, не шелохнувшись, смотрел вперед.

– Приехали, – повторил Сергей.

Чайка повернулся к нему и с отчетливой злобой объявил:

– Крысы.

Сергея прорвало:

– Что тебе надо? Какого хрена воду мутишь? – Кипуче махал руками.

Вдруг, резво изловчившись, Чайка поймал его кисть и стукнул о руль. Сергей резко оттолкнул обидчика. Тот спешно, коротко, несколько раз ударил Сергея в лицо. Андрей сзади обхватил драчуна и с силой придавил к сиденью. Чайка извернулся и дернул Андрея за футболку, – майка разорвалась с веселым треском. Андрей беспощадно заломил его голову. Когда немного успокоились, Чайка степенно вылез из машины и с предельной ненавистью бросил:

– Ну ладно, волки... поглядим.

На другой день за Румянцевым зашел Сергей. Молчал, но поглядывал с хитрецей. Когда вышли из подъезда, Андрей увидел, что в машине сидит Чайка. Усугубившаяся за ночь и уставшая, было, скверна ожила. Румянцев сел в машину, чувствуя, как натянулась кожа на желваках. Чайка обернулся и сказал:

– Забудь, Андрюха, вчерашнее. Перебрал...

При всем том понятно было, конфликт не исчерпан. Вдобавок неожиданной гранью сверкнула Светлана. Вдруг прянуло от нее холодком отчуждения. Откуда это взялось, Андрей не различил, и уже с удивлением находил в своем поведении несуразные льстивые импульсы. Тем не менее холод проступал все отчетливей. Кончилось тем, что напрямую спросил в чем дело. Явственная досада интонировала успокаивающий ответ, и Андрея ополоснуло горечью тревоги.

Наряду с этим выперла усердно подавляемая и оттого еще более выпуклая взаимность Светланы и Чайки. В увеселительных мероприятиях начал чувствовать себя Румянцев принужденно, и, напротив, Сергей свободно вливался в общее поведение – после инцидента он сдался и ни на что не претендовал. В одну откровенную минуту Андрея озарило, он один.

Случались еще сомнения, желаемое туманило порой действительность, но и это вскоре исчерпалось. Однажды находились в цехе. Приехала с реализации Светлана, в небольшом опьянении – это стало происходить все чаще. У Сергея и Андрея оставалась еще работа. Чайка мечтательно довел до сведения:

– Бухну-ка я, пожалуй, нынче. – Глядя на Светлану, утвердительно спросил: – Кто компанию составит?

Светлана молча отвела взгляд. Через некоторое время обратилась к Андрею:

– Ты еще долго?

Тот кивнул. Светлана взяла сумочку и пошла из цеха.

– Ждать не стану, нужно Артема из яслей забрать.

Чайка крепился минуты три. Хмуро, без сожаления бросив: «Ладно, я по делам, сами доберетесь», – вышел. В комнату вторглась тяжелая тишина.

Домой Андрей прибыл часа через три. Мать с порога гневно наехала:

– Ты управляй немного женой-то. Про сына забыла, пришла вот только, чуть вменяемая.

Андрей прошел в свою комнату. Светлана сидела, безвольно бросив между колен руки, равнодушная, пустая. Бессмысленно смотрела в пол.

– Где ты была?

Немотствовала.

– Я же спрашиваю, – негромко сказал Андрей.

Ответила не сразу:

– У Виктора. Мы выпили немного.

Андрей, стиснув рот, схватил ее за волосы, с силой давя их, выкручивал голову. Неуголенный отпустил и, немного отойдя, глубоко, размашисто ударил кулаком в бок. Светлана с хрипом выдохнула и оползла на пол.

В это время позвонили. Андрей вышел из комнаты. Мать впустила Сергея с женой и двумя бутылками водки. Румянцев улыбнулся и, сказав: «Проходите на кухню», – вернулся. Светлана уже стояла у зеркала, равнодушно глядя на изображение, оправляла волосы.

Все разрешилось недели через две. Надо отметить, спрос на изделие упал – кончился сезон. В цехе установились странные, оцепенелые отношения. Со Светланой Андрей практически не разговаривал: он ни о чем не спрашивал, она не оправдывалась.

После очередного дележа надумали попить. Поехали на Лесное кладбище, расположенное недалеко от города. Повез их туда один знакомый, он часто общался с ребятами, помогал с сырьем и вообще сложился душевным человеком. Кладбище оказалось милым: бильярд, настольный теннис, небольшой бассейн, феноменальная старушка, сторожиха, тетя Паня, из своих шестидесяти лет половину отдавшая зонам. Смачным матом и нелепой болтовней она быстро привела компанию в умиление. Исподволь все почувствовали себя уютно.

Чайка был в ударе. Он беспрерывно и удачно шутил: женщины – кроме Светланы, присутствовала жена Сергея – млели. Обыграл всех в бильярд, теннис. К полуночи устроили танцы. Светлана сидела рядом с Андреем. Он встал, притронулся к ней.

– Пойдем, потанцуем.

Светлана не шелохнулась. Андрей отошел и налил себе водки.

Минут через пять появился Чайка. Заиграла музыка. Он беспрекословным жестом, двумя пальцами поманил Светлану. Та немедля встала. Андрей ушел в дом.

Где-нибудь через час Андрей подошел к Чайке и сказал:

– Пойдем-ка в лес, поговорить надо.

Чайка усмехнулся и пошел первым. Шли зачем-то долго. Чайка впереди, Андрей за ним. Неожиданно обдало звенящим азартом. Заговорил Румянцев первый:

– У тебя было что со Светкой?

Чайка остановился, безжалостно и напористо бросил:

– Нет пока, но будет.

– Ну и паскуда же ты, – спокойно уведомил Андрей.

Чайка незамедлительно ударил его в лицо. Но попал неудачно. А у Румянцева удар получился. Чайка сильно шатнулся, хоть не упал, покрутив головой и оклемавшись, смотрел на Андрея без вызова. С интересом и без слов разглядывали друг друга, тронулись обратно.

Часа в три ночи поехали в город. Завезли Радика и Чайка распорядился:

– Едем к братану.

Сергей нехотя, за рулем сидеть выпало ему, подчинился. Когда прибыли на место, Светлана, она сидела впереди, вышла первой. И тут Андрей заартачился:

– Серега, я не пойду, отвези меня домой.

– Не дури, – безапелляционно приказал Чайка.

Но начали возражать и Сергей с женой. Пока препирались, не заметили, что Светлана ушла. Увидели ее, когда она уже порядочно удалилась. Сергей тронул машину, Чайка мерзко, грубо заорал. Андрей перегнулся через него, открыл дверцу и выкинул друга из автомобиля. Сергей испуганно притормозил:

– Ты что, убьется ведь!

– Ничего не делается, – напористо, но ровно произнес Андрей и захлопнул дверцу.

Когда поравнялись со Светланой и Сергей притормозил, Румянцев зло выдавил:

– Езжай, пускай остается.

Тот не послушался, посадил женщину.

Доехали молча. Когда вышли, Светлана степенно, очень по-женски сверху лупанула Андрея по лицу. Тот расчетливо, со смаком ударил ее в губы. Светлана охнула и согнулась, закрыв лицо руками.

Выскочила Татьяна, устроила визг. Андрей сел в машину рядом с Серегой и устало попросил:

– Отвези меня к сестре.

Здесь зашел в ванную и, усевшись на унитаз, спело, от души, роняя длинную слюну, заплакал.

На другой день приехал Сергей.

– Натворили делов, – сказал грубо, недовольно. Помолчав, объяснил: – Чайка цех вскрыл, все формы забрал.

– Поедем к нему, – сразу ошетинился Румянцев.

Вообще, он решил не возвращаться в цех, но теперь следовало как-то поступить. Впрочем, представлялось очевидным, Чайка изготовления не отдаст.

В квартиру позвонил Андрей. Сергей прислонился к стенке возле двери.

– А-а, голубчики, – издевательски пропел Чайка, открыв дверь, и вышел за порог. – В гости пожаловали!

– Ты чего добиваешься! – не без отчаянности претендовал Андрей.

– Вот что, маленькие, – спокойно повествовал Чайка, в глазах горел бешеный огонек, – я вас больше не знаю. А ты, козел, – Чайка ткнул пальцем в грудь Андрея, – напрочь имя мое забудь.

Громко захлопнул за собой дверь.

– Ну и что теперь? – спросил Сергей, когда подъехали к дому.

– Не знаю, – безразлично уронил Румянцев. – Я уйду из цеха, поступай как хочешь.

Дома мать испуганно сообщила, что Светлана с малышом ушла к родителям. Приготовленные, несказанные слова зацарапались и обозначили в груди ледяную, черную яму.

Удивительное началось дня через три. Днем Андрей гулял по городу, ходил в кино, подолгу сидел на третьем этаже ресторана «Космос», беспрерывно вглядываясь в просторные панорамы пруда.

Подступала осень. Вымотанное за лето солнце устало роняло на город ровный теплый свет, наделяло игривым глянецом мраморные лужи. Рябая листва недокучливо шуршала, интонируя озабоченный гомон птиц. Снулые прохожие надоевшим за лето обликом и решительным безразличием к жизни подтверждали полное отсутствие в чем-либо смысла. Андрей до изнеможения слонялся по улицам без признака попытки что-либо предпринять.

А ночью... Много позже с трепетной сокровенностью вспоминая те дни, Румянцев мнил себя обладателем достойного, волнующего раритета. Даже в самых азартных фантазиях не мог он предположить, что можно удостоиться такого восхитительного, безумного ужаса.

Каждую полночь, подбив под себя одеяло и строго вытянувшись в постели, он заворожено вглядывался в загадочное мерцание прилипших к аспидному стеклу звезд и ждал. Неукоснительно, без всякого намека на усталость наступало. В кровь крадучись, расторопно, с уважением к объекту вползала шикарная, оголтелая боль. Она медленно и надежно наполняла распятое гипнотическим анабиозом тело, напитывала капилляры, кости, мозг и превращала организм в чудовищный, гигантский набат – долго, с рвением и дотошностью корежила его. Когда же кожа готовилась лопнуть, и тело должно было взорваться кипящей кровью, ужас вдруг опадал, превращая мир в пустоту, в ноль, в бесконечность.

Самое, может быть, странное было ожидание кошмара. В эти мгновения Андрей переживал неведомую смесь страха и восторга, симбиоз ощущения шаткого стояния на кромке бездонной, кромешной пропасти и непреодолимого влечения сделать шаг.

Эта напасть терзала Андрея восемь ночей. На девятую гость не пришел, и это было тем более удивительно, что признаков усталости кошмары не являли. Однако продолжительное еще время он находился под впечатлением чудес. Здесь отыскался и неприятный момент – должно было признать, что и ничтожного участия собственная воля в мероприятиях не приняла.

Через месяц Светлана вернулась. Сама. Прошла однажды в комнату, где за книгой сидел Андрей, и без видимых эмоций поинтересовалась:

– Существовать вместе будем?

Заговорил горячо, долго, укоряя. Но в сердце билась знойная, шальная радость. И под ночь, зайдя в ванную и закивав в губы сигарету, впервые с опаской попробовал на слух: «Да, парень, а ведь ты влип».

Тем временем к обязанностям приступил сентябрь. Все явственней дышал ветерок влажной прохладой, раздевались деревья, роняя пеструю листву, которая успокаивающе шуршала под ногами, нашептывала осеннюю слякоть. Безудержно гомонили птицы, обсуждая перемену сезона, вливалась в грудь безмятежная, вялая тоска.

Светлана устроилась на работу секретарем, в институт. Начали роптать на рваную деятельность Андрея родители. Жизнь понуждала как-то поступить. И здесь шевельнулся вариант.

В гости постучался Петя Петров, друг тесный с первого класса, душа непритязательная и отзывчивая. Он ведал о всех движениях Румянцева и сочувствовал безоговорочно: Чайку Петя не принимал, ибо бит был тем не единожды. После первой рюмки непрекословно постановил:

– Мне, Андрюха, деньги нужны.

– И только? Я требую большего. – Андрей усмехнулся, барабаня пальцем о стол.

– Автостоянку затеял.

Суть состояла в следующем. Окрыленный доступом зачаточный предприниматель Петя заразился идеей. Не долго смущаясь новизной, гражданин походил по исполкомам и таки одолел одного власть предержащего деятеля на земельный отвод. Затея застряла из-за денег. Теперь он рисовал другу лютые перспективы и тот соблазнился. Опять в деле обозначились три человека и Андрей, потрепанный практикой, сразу обозначил условия.

Место, в районе остановки Южная, выглядело надежно: рядом резво возводился жилой массив Ботанический. Нашли сетку для ограды, трубы, прочую необходимость. Задешево

купили сторожку, бракованный бамовский домик. Почистили, поправили, подкрасили – выглядело вполне респектабельно. На первое время покрыли территорию щебнем. Появились клиенты.

Особого дохода штука пока не давала, но стало весело. Объявилась масса друзей, приятелей и просто хороших людей. На стоянке практически в любое время суток было шумно илюдно. Андрей принялся попивать... К весне третий учредитель ушел – подвернулось стоящее дело. Появился и доход, без избытков, но достаточно уважительный. Пошла лихая жизнь.

Будучи еще на пороге предприятия, Андрей пестовал мечту обладать и доходом, пусть и невеликим, и свободным временем – теория такое допускала – но практика исказила помыслы до неузнаваемости. Одолевали бестолковая суетня, пустые хлопоты, бесплодные идеи. К весне все это распухло бурным цветом. Андрей приобрел на оставшиеся деньги авто. Якобы подвернулся подходящий случай, который на деле таковым не оказался. Машина требовала денег, нервов, времени. Практически весь день Румянцев проводил на стоянке, жизнь плотно окуталась хмельным, напряженно-никчемным угаром.

Нашлись умельцы и занялись беглым ремонтом автомобилей – Петя с Андреем задумались о строительстве бокса. Поступили предложения о продаже запчастей. И впрямь, удачно сбыли партию лобовых стекол. Благодаря обширности территории, частенько стаивали большегрузные машины из дальних краев. Этими постояльцами неукоснительно заводились заманчивые разговоры.

Прямо на территории стоянки расположилась небольшая, приятно шумящая листвою и птицами рощица, «пионерская комната». Поставили мангал, появилось в изобилии мясо, завелся даже мало не штатный специалист по шашлыкам. Водрузили с наскаку теннисный стол, и даже изредка баловались шариком. Однако чаще стол служил для содержания бутылок и соответствующих вещей. На такие прелести в пионерской комнате неотлучно мельтешил народ, включая совсем неизвестные, а то и сомнительные личности.

Поначалу Андрей пытался соблюдать контроль, но после нескольких попок, в которые втянули таки его обитатели заведения, опустил руки. Оно и верно, рощица манила безукоризненной тенью, ласковой, как закат, прохладой, душистым, горьковатым дымком и соблазнительными разговорами. Лето обволакивало дурманящей жарой, свободой, захватывающим хаосом. Собственно, пух, чтоб ему.

Вскоре просочился на стоянку и женский элемент. Немудрено, сторожами наняли, главным образом, молодых, живых ребят. В рощице раздался влекущий женский хохоток, и Андрей под пьяную руку однажды соблазнился: раскрутился на ночь в машине (не ночевать дома случалось, подменял якобы кого-либо из сторожей).

Только и Светлана переменилась. В ней окончательно оформилась – Андрей и прежде испытывал легкую щекотку этих особенностей – не то чтобы неукротимость, а внутреннее давление свободы. Андрей все чаще вынужден был с сердечным холодком наблюдать противоречивые, глупые порой, встающие поперек обоснованности совместного проживания, поступки.

Ко всему прочему пустился Румянцев Светлану ревновать. И, как говорится, было где. Светлана неуклонно обрастала вниманием. Институтские шаркуны ввергали ее в длительные разговоры с самыми отчаянными подтекстами. Румянцев явственно ощущал их раздражающий привкус.

– Как полезно, хочется слышать, проводили вы в последнее время жизнь? – доводилось Андрею встречать вопросом поздний приход жены.

– У Ленки была, – лаконично и абсолютно искренне отвечала.

– Нет, близкорасположенная, – доказывал Андрей, пряча за издевательскими нотками пульсирующую горечь страха, – ты у нее не была. Она интересовалась тобой по телефону, и заметь, поразительно трезвым голосом.

– Да? – изумлялась Светлана и невозмутимо опровергала: – Действительно, что это я! Я же к ней вчера заходила... Так на работе же задержалась, у нас банкетец соорудили по случаю именин. Разве я тебя не предупреждала?

Андрей строил на лице смесь отчаянья и негодования.

– Румянцев, – удивленно взглянув на мужа, соболезновала Светлана, – тебе нужно разглядывать эти пустяки?

К зиме стоянка начала покрываться пятнами развала. В угаре хмеля и никчемных хлопот захлебнулись задумки о строительстве бокса, высокой, фундаментальной сторожевой будки, асфальтовом покрытии. Обнаженная без веселой декорации зелени стоянка приобрела серый, захирелый вид.

На вечный летний гам, лаянье собак и прочие неслухоприятные шумы начали роптать жильцы соседнего дома, без того недовольные захватом зеленого райского уголка. Из исполкома пошли комиссии. Неподалеку хваткие, не в пример нашим, дельцы устроили капитальную стоянку. Клиент начал редеть. К тому же пошли угоны. Особенно приятным был первый.

Утром забежал за Андреем всклокоченный, шумный Петька.

– Машину угнали со стоянки! Одевайся мигом!

– Чью? – тревожно отреагировал Андрей.

– Белую семерку. Мужик, что резину тебе продал. Козлы! Я им бошки пооткручиваю и в разные места вставляю.

Событие развивалось так. На стоянку ставил машину один шустрый парень лет двадцати – обрусевший чех. Он якобы принадлежал к одной крутой группировке и был короток с крупными именами – частенько ублажал сторожей бравыми рассказами.

В ту смену сторожил Вова, славный, крепкий паренек, студент горного института. Ближе к полуночи приехал Ян, поставил автомобиль, зашел в сторожку, достал бутылку. Быстренько ее даванули и Вова... отрубился. Утром его разбудил хозяин угнанной машины и проинформировал:

– Я сюда вчера автомобиль ставил. Сегодня его нет.

– Он это, Ян, куш за сто, – бил себя в грудь Вова, отчитываясь перед Андреем и Петей. – Да чтоб я, с полбутылки... Ну подсыпано что-то было, мужики! – Вова зверски лупил глаза и махал руками.

Милиция лениво составила протокол, скептически оглядев стоянку. Их пассивность оптимизма не внушала. Взялись за дело своими силами. В акцию включилось приятное количество доброхотов.

Вычислили три адреса, где мог быть Ян. На шести машинах устроили засаду. В первом часу он появился. Машину его поставили на стоянку, самого повезли в лес. Незнамо в каких фильмах было высмотрено, но происходящее явно смахивало на нечто гангстерское. В лесу, таинственно перебирающем в глубокой утробе тонущие тени от света фар, Яна за ноги подвесили на дереве. Получилось это неожиданно ловко и быстро, и тот нелепо качался, изгибаясь и маша руками, чем помогал оползти на голову короткому пуховику.

– Руки надо было связать, – веско заметил Петя, когда отошли в сторону и раскурили сигареты. Била мелкая, красивая дрожь.

– Отольются мышке кошкины слезки, – гнусаво и гулко причитал из-под пуховика Ян. – Сволочи!

– Ну что, отдашь машину, гнида? – грозно полюбопытствовал Вова, докурив сигарету.

– Отольются мышке кошкины слезки, – прохрипел заклинание Ян. Вова подошел и два раза сильно ударил его по оголившейся пояснице.

– Хорош пока, – распорядился Андрей. – Отвязывай.

В конце концов, Ян сознался. Действительно, он подсыпал в пойло порошок. Назвал место, где стоит угнанный автомобиль. Приехали, машина отсутствовала.

– Тогда не знаю... – обреченно насупился Ян. – Впрочем... – Назвал еще пару теоретических мест.

Его отвезли на квартиру, где жил один из сторожей. Связали, оставили под присмотром хозяина. Разъехались. В шесть утра Ян развязался и сбежал. Хозяин бросился вслед, но нарушитель в носках сиганул на улицу. Бросился на проезжавшую машину и получил небольшой удар. Авто остановилось, полномочий забрать плохиша надсмотрщик лишился.

Днем Андрей поехал в милицию, дал новые имена, возможные адреса. Вяло возразили:
– Будем работать.

Вообразите, операция помогла, ибо включились верхние милицейские чины, знакомые пострадавшего – собственность нашли.

Дня через три после эпизода на стоянку приехали четыре десятки (тогда писк). Из них вышли строгие молодчики с клюшками для хоккея на траве. В сторожке сей момент находилось человек пять. Один из парней достал охотничье ружье, которое всегда валялось под диваном. Гости в сторожку не зашли, пересуды велись через окно. Потребовали ключи от машины Яна, и открыть ворота. Угнанную машину тогда еще не вернули и Андрей начал объяснять ситуацию – оборвали.

– Подождут, – коротко объявил Петя.

Андрей вышел и вернул ключи.

Немало на стоянке со вкусом обсуждали приключение, но вскоре злоба дня была перенаправлена. Часа в три ночи сторож заметил троих, возившихся возле автомобиля.

– Вы чего, ребята? – поинтересовался он, почуяв недоброе.

– Пошел вон, – сообщил один из деятелей и неспешно двинулся к сторожу. В руке его блеснул пистолет.

Сторож отбежал. Издалека начал укорять нехороших. Внутри группировки создалась такая реплика:

– Уйми его, на нервы действует.

Стрелок бросился за сторожем. Тот, часто оглядываясь, побежал. Хлопнул выстрел, сторож вобрал в плечи голову и рванул прочь от стоянки. По телефону-автомату, шумно дыша, поведал дежурному милиции о посещении. Дежурный долго расспрашивал, где расположена стоянка, откуда удобней подъехать, как выглядят злоумышленники и чем конкретно занимаются.

Вернувшись на рабочее место и расположившись так, чтобы его было не видно, но слышно, сторож поделился с оппонентами о своем поступке. Сообщение их не вдохновило. Размеренно продолжали копаться в механизме, пока один из них не догадался:

– Да ну ее в жопу.

Все трое обрадовались и на радостях долбанули пару стекол соседних машин. Убедившись в результате, уселись в совершенно чужой автомобиль и укатили. Через час пожаловали стражи порядка. Пешком: «Все машины в разъезде». Погрелись в сторожке, оглядели повреждения. В итоге оплачивать ущерб пришлось нашим бедолагам. Через несколько дней Петя угрюмо зашел в сторожку, долго сопел, достал из кармана боевой, приятно тяжелый и притягивающий взгляд пистолет и, подав сторожу, отчаянно распорядился:

– Только зашел кто-нибудь на стоянку, лупи прямо в башку. И не рассуждай, умоляю.

Впрочем, тут же пистолет забрал.

Клиент совсем занервничал, постепенно доход упал до минимума. Здесь навалилась очередная притча. Петя по макушку влез в любовную страсть. И люби себе на здоровье, если б это не стало чревато всякими несуразностями, в конце концов, полным развалом дела.

Собственно, руку к явлению приложил Румянцев.

Еще летом в отпуск из Германии приехала приятельница Светланы. Юлия работала по контракту вместе с мужем, военным летчиком. Супружеские отношения были неважные еще

здесь, на родине (у мужика перед отъездом за границу обнаружилась давняя и прочная связь с другой женщиной). За бугром отношения супруги не наладили. Контракт подходил к завершению, следовал последний отпуск, зимой возвращалась Юля, другим летом летун с дочерью.

Отдыхая в вотчине, Юля часто бывала у Румянцевых, тут и познакомилась с Петей. Приязнь вспыхнула мгновенно. Уж на другой день у обоих блестели глаза и от фигур шло свечение. Когда она уехала, Петька ошарашено пылал:

– Андрюха, это сказка.

В Германии Юля с мужем купили две поношенные Волги. Одну из них должна была перегнать Юля, другую летом летчик.

В начале февраля Светлане на работу позвонили: Юля с машиной ожидала в Бресте. Заранее было оговорено, что прилетит Андрей. Естественно, полетел и Петя. Вояж оставил массу впечатлений, но относящееся к повествованию приключение произошло под Саратовом.

Километрах в двадцати от города машина заглохла. Время подходило к полуночи. Вокруг лежала степь, прокаленная тридцатиградусным морозом, угрюмо звенящая от нудного, колющего снежной порошей ветра, полная тяжелого, плотного мрака. Царапнутый острым коготком предчувствия, Андрей суетливо вылез из машины и сразу обжегся немилосердным холодом. Срочно нужно было что-то делать, мотор мгновенно замерзал и престарелый аккумулятор только и провоцировал его на больной, предсмертный кашель. Но это была «волга». И Андрей, и Петя ее не знали. Да и что можно было сделать в непроглядной мгле, не имея возможности даже гаечные ключи найти в багажнике, набитом барахлом и всякими дефицитными штуками.

Андрей ушел в машину, Петя ловил попутку. За пятнадцать минут проехал лишь один автомобиль, на приличной скорости обогнув их – волга стояла на проезжей части, отчего-то сдвинуть ее на обочину не удосужились. В салоне нагнетался пугающий холод.

Петра заменил Андрей. Зябко кутался в воротник, безнадежно поглядывая в черную, гиблую пустоту. Минут через десять мелькнули огоньки. «Грузовик», – подумал с хилой надеждой.

Он стоял впереди мотора, еще задолго до приближения грузовика вытянув руку. А машина приближалась. Уж заплясали радужные осколки лучиков вокруг фар и монотонный рокот мотора пробился сквозь рваный, болезненный стон ветра, когда Андрей понял, грузовик не только не желает погасить скорость, но, и не намерен отворачивать. Когда прострелила мысль, что машина неизбежно наезжает на волгу, Андрей визгливо выкрикнул: «Сука!» – и люто бросился с дороги. Он и звука никакого не услышал, только взорвался в теле удар, словно лопнул гигантский пузырь, внутри которого он находился, и тело, наполненное пружинистым испугом, выплеснулось в белую пустоту.

Как ни странно, первое, что увидел очнувшись, было лежащее прямо на лице бездонное, исключительно ясное небо, с разбросанными невпопад нежно переливающимися звездами. Когда в тело вкрадчиво и напористо проник звенящий жар боли, небо растворилось и хлынул кипящий поток сознания.

– Андрюха, ты живой! Я знаю, ты живой! – услышал он плачущее, насмерть перепуганное бормотание Пети.

Румянцев помотал головой, почувствовал, как в шею набился сухой, шершавый снег. Приподнял голову. За руки его потянули Юля с Петей. Оперся на ноги и вскрикнул от удара резкой боли. Кое-как его всунули в машину. И здесь подъехал еще один автомобиль.

Случилось следующее. Шофер грузовика успел таки отвернуть, и шибанул волгу вскользь. От удара легковушка скакнула вперед и достала боком Румянцева. Грузовик снесло с дороги и перевернуло. Петя и Юля отделались испугом. Быстро оклемавшись, бросились искать Андрея. Сперва нашли шапку, не скоро самого – его швырнуло в степь.

С подъехавшим вскоре на жигулях водителем Петя полез доставать шофера грузовика. Тот оказался вдребезги пьян – ошарашено лупил глаза и бормотал невнятное – и абсолютно

невредим. Самое жуткое, с ним в машине находились двое детишек. К счастью, они не пострадали.

Максим, водитель жигулей, здорово помог. Отвез всех в поселение, к счастью не так далеко расположенное. Взял на себя изрядные хлопоты.

С Румянцевым особенного ничего не случилось, кости были целы. Ограничилось ушибами, пусть и порядочными. Назначили двухнедельное лечение, но на третий день Андрей сбежал. Ходить было больно, по большей части лежал в гостинице. Юля носилась с устройством собственности, задок разворотило полностью, с ГАИ. Содействовал все тот же Максим, он часто заезжал в гостиницу, они с Юлей продолжительно отлучались, чем до крайности изводили Петю: «Четыре часа в гаи, за это время я и родить могу».

«Чтоб вы пропали с вашими любовями», – раздражался Андрей. Нелепая бездеятельность и тягость для окружающих угнетала. Еще через неделю улетели восвояси. Машину пока пристроил Максим.

Увидев раненого, Светлана даже встревожиться не затруднилась.

– Мне сон приснился, – вождельно объявила она, выслушав предварительный отчет. – Но там тебя до смерти калечат. Надо же!

«Виноват», – негодовал Андрей, и Светлана удивлялась:

– Цел же! Что еще?!

Пошли тухлые, последовательные будни. Нога беспощадно болела, но Андрей долго не шел в больницу, томимый великим нежеланием попасть в стационар. Когда приспичило и все-таки решился, врач, пожилой, похожий на замерзшего воробья еврей, зловеще намекнул:

– Нерв перебит.

Можно ли его восстановить или заменить, не сообщил.

Впрочем, на капитальное лечение в больнице не настаивали. Назначили терпимые процедуры. Но посещение стоянки, тем более частое, само собой исключалось. Андрей почувствовал знакомый привкус хандры.

Помимо того, Петя окончательно потерял голову и ничего кроме «сказки» перед собой не видел. Он начал тратить несусветные суммы (укатил, к примеру, с Юлей на неделю в Сочи), принялся обедать в ресторанах. И без того утлая казна опустела. На выволочки Андрея Петька испуганно хлопал глазами и просил ссуды под какие-то гротесковые гарантии.

Уж нечем стало платить сторожам, молодые ребята ушли. Наняли каких-то забубенных стариков, которые, увидев невнимание со стороны хозяев, попросту опускали плату с клиентов в свой карман. Налоги платить стало нечем. Когда Андрей несколько оправился и попытался что-то восстановить, процесс оказался необратимым.

Петька и вовсе на дело махнул рукой. Их отношения с Юлей достигли вулканической стадии. Он игнорировал жену, двоих своих детей, и вообще, возникли разговоры об отъезде насовсем в Подмосковье, там жила близкая Юлина родня. Вроде бы не юноши и достаточно потрогали друг друга, но непременно, как только добирались до постели, перенести в повседневную жизнь их мог не иначе вселенский катаклизм. Он и явился однажды в лице легчика, мужа Юлии. Тот неожиданно нагрязнул в отпуск и, не найдя никого дома, послушал сердце, указавшее на Румянцевых.

Как раз в этот период третий день гуляли у Андрея – родители уехали к родственникам – Петя с Юлей обнаружили свободную постель.

Зайдя в коридор и увидев одежду жены, Николай, надо думать, вознамерился произвести сюрприз, с лукавой миной, соответственно, прошел мимо оцепеневшей Светланы в комнату (Андрея в ту пору дома не было). Здесь мина исчезла.

Можно, вообще говоря, представить самочувствие человека, который благонамеренно везет домой кучу тревожных вещей, наконец, доставляет себя, в результате застаёт жену в окончательном неглиже, в тесноте с посторонним гражданином. Произошла забавная, молчаливая

драка. Петя и летчик стиснулись в объятиях и норовили по причине занятости рук укунуть друг друга. От чрезмерности попыток оба свалились и, все так же обнимаясь, продолжили поползновения лежа. Летчик оказался удачливее, цапнул Петю за бровь, добившись обильной крови. Сам же, заметим, в ней измазался. Петька сосредоточенно ловил нос Николая, но мужик попался тренированный.

Вообще, во время сражения потерпевший умудрился треснуть Светлане, Татьяне, без задней мысли пришедшей посмотреть на зрелище, и ее матери; даже поставил той синяк, чем она впоследствии гордилась и, демонстрируя соседям, вдохновенно поясняла: «Я всегда говорила, немцы (почему-то летчика она обзывала так) народ ушлый». Примечательно, что в сражении не пострадала только Юля. Во время баталии она, стоя все в том же неглиже, изящно теребила кончиками пальцев виски и недоуменно бормотала:

– Боже, какой кошмар! (Читай, на какие странные поступки могут отчаяться люди.)

Воздадим справедливости, впоследствии летчик повел себя мужественно. Удар судьбы он принял стойко, даже корректно. Заходил к Румянцевым и после происшествия, настаивая на «полном введении в курс дела». В какой курс могли его ввести, было непонятно.

– Я согласен, Светка. Но зачем ты женщину пожилую шабаркнул? – пытался выйти из скользкой колеи Андрей.

– Так я и говорю, – добросовестно излагал тот, – стрессовая ситуация. Я не из железа делан.

После неприятных зигзагов Андрей увещевал:

– Подозреваю, Коля, тут что-то с любовью связано.

– Я понимаю, – уныло соглашался летчик, – перестройка, чего не случится. Но почему не уведомить? Так можно и без сердца остаться.

Между тем последствия приобрели неожиданный ракурс. Николай пошел на соглашение, добропорядочно отделяя причитающийся супруге скарб. Но Юля, да простится каламбур, вдруг заюлила. Ее действия приобрели шаткость, недоговоренность. Петя ударился в отчаянье.

Дальше – интересней. Летчик уехал в Германию, добывать контракт, а Юлия объявила:

– Петр, нам надо немножко не встречаться. Со мной что-то происходит, и я хочу это пристально рассмотреть.

Петя от жизни отстранился.

Вообще, в те дни он выявился довольно необычно. Стал неуравновешен и интересен: то впадал в крайнюю прострацию, то делался несуразно интенсивен и дерган. Порой становился печален, что шло ему необыкновенно, и созерцателен – обычно это кончалось длинными лирическими монологами о тесноте человека с природой – либо глубокомыслен и даже афористичен.

– Я думаю, мы зря представляем бога мужиком. Это явно женщина. Отсюда вся нелепость мира, – говорит Петя и гордо выходит из комнаты: к театральности он был склонен сизмальства.

Через минуту возвращается и пораженно докладывает:

– И кто как не баба придумал самую жизнь. Вы вдумайтесь, какая гнусность: кучкуются два человека, начинают третьего, и он вынужден жить, ибо не волен вмешиваться в права других... Но самая мерзость, что и первые не способны исправить опрометчивость, поскольку с жизнью третий получает права. – Петя в гневе вздымает руки. – Подлость отъявленная.

Или вот, приходит к Румянцевым, мрачно и бессловесно топает на кухню. Достает бутылку и разливает в три стопки. Обращаясь отчего-то к Светлане, велеречиво объявляет:

– Женщина состоит из двух частей: матки и кассового аппарата. Все, что функционально истекает не из этого, ей недоступно.

Хлопает порцию и удаляется, приведя Светку в иступленный восторг.

Какие-то разговоры с Петей о стоянке были чреватые отсутствием малейшей реакции. Андрей, не понимая, зачем это делает, приезжал на работу с предчувствием неминуемой неприятности. Все с тоскливым любопытством ожидали конца.

И терпение было вознаграждено, сгорела сторожка. Причем едва не с самим сторожем. Тот, утомленный винным пресыщением, очнулся, когда огонь основательно пощупал его тело. Ватник и брюки сожглись вчистую. Сторож получил первую степень за ожоги.

Разумеется, стоянку закрыли. Однако оставались два ЗИЛа, брошенные здесь уж как месяц и никем не востребованные, Андрей для порядка выспрашивал кого мог – напрасно. Несколько ночей кряду сам сторожил грузовики, ненадолго засыпая в своем автомобиле, единственно отлично коченел и наживал ненависть. В итоге продал одну машину за ящик водки расторопным мужикам, вторую бросил на произвол. Впрочем, с ребятами смотал сетку, вывез к приятелю в огород и тотчас забыл о ней. Эпопея бесславно закончилась. Жизнь в который раз продемонстрировала тыл и не хватало дыхания сказать, что он симпатичен.

Однако зашевелилась весна. Уж поплясывало солнце в густых, набухающих стайках сосулек, серый, корявый снег зиял проплешинами, в прихожих квартир неустанно расплзалась плесень грязи.

Артем подрос, окончательно приобрел формы и стал удивительно похож на бабушку, мать Румянцева. Папаша начал испытывать острое наслаждение играя с ним, просто прогуливаясь и наблюдая за деловитым, углубленным в себя пареньком. Когда Румянцевы ложились спать, Артем неизменно просыпался и требовал от папы подать палец (комната была узкой, взрослая постель и детская кровать стояли через тощий проход). Собственнически охватывал теплой, влажной ладошкой вытребованное и, тут же уснув, начинал расторопно посапывать, высунув из-под одеяла пухлые розовые щеки. В эти минуты Андрей наполнялся приливами горячей сочной нежности.

Отношения со Светланой вышли на тропинку с взгорками, ухабами и поворотами, пусть, достаточно просматриваемыми. В институте супруга неуклонно приобретала популярность. Заходя по необходимости к ней на работу, Андрей не однажды заставлял несомненно не связанных деловыми отношениями прилипать. Затеяла ездить в командировки, чего он вовсе не понимал – при ее-то должности. Но самой нелюбезной состоялась ее настойчивая жажда независимости.

– Ты, Румянцев, человек низменный, – раздраженно парировала она подозрения, – мысли твои сплюснуты и слушать тебя нет причины.

– Посмотрите, Фудзияма, – топырился Андрей.

Мучительным было подспудное ожидание непредсказуемого и оттого коварного поступка с ее стороны, – пожалуй, не столько поступка, сколько возвращения тех непереносимых кошмаров. Сжимал гнет неспособности не то что влиять на Светлану, но и на себя в смысле отношения к ней. Наконец, удручало безволие оттолкнуть. Досаждало, что Светлана много в мыслях произносилась. Поначалу Андрей негодовал, что это – чувство, но скоро утих, придумав, будто здесь не только чувство, но и употребление досуга наиболее близким методом, рефлексией.

Материальная сторона существования была сносной, ибо сподобился Андрей по вечерам заниматься извозом. Выяснилось, что предприятие сие относительно прибыльное – если бы еще не постоянные траты на ремонты. Известные отрицательные приключения – порой нервные – вообще нелицеприятность самого дела досаждали умеренно. В позитиве лежали не только бумажки, наблюдения, беседы, ситуации и даже, случалось, штучки (однажды Андрей вовлекся в соблазн, движимый, вероятно, ностальгией по прежней форме – впрочем, досадливо и брезгливо потом отстирывался и долго предохранялся), но и безмятежная езда по меланхоличному городу. Особенно угождал небольшой дождь, когда асфальт ровно шел в глаза

затейливыми бликами. В такие минуты посещала четкая, изящная тоска и мысли уходили в манящие, отклоненные от повседневности сферы.

Для полноты картины – зудели родители.

– Вырастили сыночка, – подчеркивала поправленную мечту мама, – тунейдец и полная пустота.

Отец пенял как всегда косвенно:

– Интересно, на что ты пьешь? Воруешь?

Верно, Румянцевы не отказывались от молодых утех.

Говоря обобщенно, стоял период относительного равновесия. Не очень давило будущее – всегда можно было вернуться в цех (Сергей наладил работу и зазывал). Семейные отношения приобрели четкие черты и уже это допускало подобие спокойствия. В потоке времени повсеместно были разбросаны ниши для сокровенного. Наконец, потихоньку осязаемым становился быт.

Бездеельничал, как и Андрей, Петька. Он, похоже, отмерз (летчик воротился совсем и пошло существование) и хоть в пьяном пылу скрипел зубами – «Душу мою повозила. Ненавижу» – набрал родную безалаберность и украшал будни. Кипел прожектками, сплошь наивными, мгновенно терял кураж и пускался в итоге в предприятия способные единственно обусловить углое существование. Из солидарности Андрей помогал. Должно быть, Петя определенно оттенял нарочитость положения. Тем временем предпринимательство набирало силу.

– Андрюха, твою тебя, лежит же негде золотой камешек. Шевели помидорами, – злился Петя.

– Не один, полагаю. Какой золотее, вот задача.

– На ощупь надо.

– Лень – оттого что боязно, – щерился Андрей. – Уж я вслед за тобой. Ты меня подберешь, я в курсе.

– Сучара и прочее! – разрешался Петро. – Дурак ты, поскольку способный.

В конце концов Петю устроил в кооператив по гранитным делам родственник.

Еще одна осень съжившимися листьями, жухлой травой, тучным ненастным облаком разбавила судьбы. Вдруг плаксивой стала Светлана, затеяла жаться к Андрею по ночам. Объявила несколько раз не к месту, что любит его. Становилось не по себе.

На похмельной тоске однажды – лечились вчетвером, Сергей еще с женой – Андрей размлел да спел все-таки пару своих песен. Печальных. Татьяна аж слезой блеснула. Впрочем, все настойчивей случались ее прикосновения особенного рода. С отвычки он начинал волноваться и заниматься дурными мыслями. На трезвой голове мысли не держались, но после пьянок шевелилось.

Притча, читал очередное и получите, слезу пустил. Такого не подразумевалось, стало быть, перепугался и замарал светлую, мягкую печаль: не знал, на что злиться, испуг чи проявление.

Сблизились с интересной парой. Встретила случайно на улице давнишнюю приятельницу Светлана – учились вместе – и сошлись на том, что нужно многое друг другу рассказать. Для иллюстрации подружка привела мужа и, пусть о мотивации забыли, нашли общность. Стали ходить друг к другу в гости.

Семья, что говорить, была любопытная. Ирина, габаритная, несколько пошловатая особа, внезапно стала Андрея занимать. Сперва насторожился: прежде девицы столь грубого помола не нравились, искал тонкое, изюмистое, – поразмыслив, постановил, возмужал, стал естественнее.

На первый взгляд казалось, что Ирина первенствует. Была на полголовы выше мужа и нередко справляла ядреные шуточки:

– Иван (имя-то себе выбрал), ты безнадежно лысеешь.

– Что делать, теперь не закроешь.

– У меня есть верное средство, – озарялась она, – поставить тебе рога.

Сотрудник все принимал с глуповатым хихиканьем. Андрей разжился жалостью к существу и был неприлично ошарашен, когда узнал, что тут весьма уважаемый человек. Начал пристально вглядываться и – ничего не обнаружил. Но именно новоявленный приятель и дал импульс – в дальнейшем и материализовать пособил – к новой, неожиданной деятельности.

Славно разместились раз на даче Репринцевых. После бани дети, чистые, уложенные по постелям, ворковали неугомонно за стенкой, стол демонстрировал изобилие, тело ликовало в предвкушении чревоугодия. Шел исконный, душевный час.

Быстро и ласково откликнулся хмель. Мужики сурово беседовали, женщины уважительно слушали, ухаживали расторопно.

– Время идет слепое и просительное, – говорил Иван. – Ты впереди встань, и оно за тобой.

– Всё – так. Только народ мы – русский. Глупый народ, пустой. Слова любим, а рука к рюмке движется.

– В том и казус, что в русском народе живем. Все ждут чего-то. Ты впереди и вставай... А насчет глупого – зря. Ленивый – да. Но я такое скажу: мысль – она в слове. Дело живот греет, слово – душу... Видел я иностранцев. Скучные они.

– Тебя ж деловым зовут, – любезничал Андрей.

– Потому так и говорю, – без апломба отсылал Иван.

В тот вечер Иван разговорился. Поведал пути доступа к коммерческим операциям, схемы, поскольку украшал повесть цифрами и фактами, выглядело все просто, слушалось интересно. И поработала информация.

По досужим надобностям наведывался иногда Румянцев в институт, где работал прежде, ситуацией владел. Шла пертурбация, валили стариков, в корзину пихали диссертации. Начальником в бытность его служил занимательный мужчина, «гражданин на все времена». Остряк, импозантище, потомок польских конфедератов, лепесток высокого, доросшего до бомонда дерева, доктор наук и полный в ней профан, секретарь парторганизации, выпивоха, прохиндей, бабник и интриган, к своим пятидесяти годам обладатель громоздкого и интенсивного прошлого, неувядающей натуры и прочего, что может составить самую отъявленную репутацию. Еще словесил Горбачев, еще не выбросили партбилеты, а Гайсинский, недавний адепт коммунистических идеалов, уж вглядывался в атрибутику капитализма.

Упоминалось, что последнюю точку в уходе Андрея из института поставил он. С полгода прошло после увольнения и заявили однажды к Андрею Гайсинский с компанией. Выпивали с часик, затем Андрей завел Гайсинского в ванную и внушительно объявил:

– Однако ты, Валерьян, сволочь.

Тот достаточно трезво обследовал лицо Андрея и, немного подумав, изложил:

– Не верю.

Андрей начал удрученно доказывать правоту, тот глубокомысленно искал контраргументы. Кончилось объятиями.

В настоящее время Румянцев слыл в институте ушлым. При его посещениях Гайсинский жал Андрею локоть и сокровенно говорил:

– Ну что, как?

– Да так себе, – с плутоватой ухмылкой отвечал Андрей. Гайсинский понимающе и удовлетворенно кивал головой и заговаривал о быте.

В одно из посещений в приватной обстановке Валерьян с иронией заговорил:

– Черт возьми, прет молодежь. Директором Чижова поставили, а? Кандидатишка! Вчера на цырлах передо мной лазал, а нынче... Взгляд-то какой! Я намедни из кабинета его выходил, дверь задом открывал.

Поведав несколько последних баек, Гайсинский полушутливо – это вообще была его манера – затеял деловые разговоры.

– Слушай, думаю кой-какую коммэргию в лаборатории изладить. Мужики озверели, договоров с предприятиями нет, скоро штаны начнут спадывать.

– А что, это сейчас позволяют? – удивился Андрей.

– Ну, мы с тобой всегда вперед смотрим. Я недаром задом дверь открываю.

– Дай бог, в таком разе.

– Но как это делается, Андрюша? Ты у нас практик.

Румянцев вдруг, не без дурной бравады, открыл то, что повествовал Иван. Гайсинский занялся, как сухая хвоя. Андрей тут же пожалел о фанфаронстве, ибо бывший руководитель начал глубоко дышать и настойчиво теревить, требуя деталей. Пришлось смяться.

Однако не те ребята, Гайсинский через неделю вытребовал Румянцева на randevу. Пришлось объясниться: Андрей выложил все – от собственного нынешнего положения до эскиза общей обстановки, что нарисовал Репринцев. Уж разговор подходил к концу, уж предложил Гайсинский пробовать вместе новое дело, когда невзначай в теме упомянул Андрей фамилию Ивана. Аж дернуло Гайсинского. И сдерживаться не стал, выдохнул сокровенно:

– Порокомендуй меня, парень. Обязан буду.

– Попробую, – простодушно согласился Андрей.

Короткое время испытывал Румянцев легкость. С этим и рассказал о причинах появления Валерьяна и всем ходе беседы Светлане. Закончил рассказ с удивлением:

– Видишь, Иван какой человек известный? Явно Гайсинский о нем наслышан.

Здесь, когда увидел пристальный, давящий взгляд Светланы, мгновенно все оценившей, начался зуд. Навалились терзания.

Шанс, требовалось напряжение, движение. Но Андрей обленился, положение его как нельзя устраивало. Да и нудила рана первого предприятия, слишком глубоко врос страх перед деньгами, что так легко ломают устоявшееся. Наконец, в ситуации слишком явен статус посредника.

Время перед сном прошло негативно. А ночью Андрей проснулся, в виски стучал вариант. Штука состояла в том, что основное упование Гайсинский возлагал на обширные и глубокие связи с недеплавиельными комбинатами, с которыми лаборатория тесно и взаимоприятно сотрудничала. Уязвимой стороной был сбыт. Это пятно и приковало сейчас взгляд. Муж сестры, мужик свой в лом, работал главным инженером проекта в Гипромезе и курировал именно потребителя. Паутинка сплеталась. В сущности, вся комбинация замыкалась на Румянцеве. Он встал и пошел курить.

С утра его лихорадило, воображение кипело перспективами могущества, невообразимыми доселе панорамами, – зловещей тенью конкурентов. Нельзя терять ни минуты, стучало в висок. Кое-как дотерпев до вечера, поехал к сестре, соорудив в голове изящную, как ему казалось, и законченную формулу предприятия. Когда изложил идею, сестра улыбнулась и молча вышла из комнаты.

– Погодь, – сказал Станислав и тоже вышел.

Быстро вернулся.

– Вот, – он подал Андрею какие-то бумаги. – Это циркуляр. Директор запретил заниматься подобными операциями без его ведома... Неделю назад раздали. Вы, Андрюша, ой как не одиноки.

– Что значит без его ведома?

– Что твое участие находится под громадным вопросом, равно, как и мое.

– Стас, ты как маленький! – не унимался Андрей. – Главное же человеческие связи. Они у тебя есть. Неужели нельзя миновать официоз?

– Дело в том, что подобные бумажки находятся и на той стороне. И были уже прецеденты, я повторяю, вы не одиноки. Санкции последовали незамедлительно.

«Все, что ли?» – осведомился у себя Андрей. «Все», – ответил себе Андрей.

Несмотря на прокол, вирус дышал. В голове роились варианты, воображение ползло в зланные дали, ничего более замечательного прежде попросту не случалось. Уж и обязательство познакомить Гайсинского с Иваном он начал перекраивать под свой размер. С тем к Ивану и прибыл. Ощущал себя дрянновато, подозревал, что начнет ловчить... Слово сказал, и мешок лопнул.

– Говоря международным языком, – Иван внимательно поглядывал на Андрея, – рассказ интересный... Говоришь, неважный человек директор Гипромеза?

– На редкость плохой, – огорчился Андрей.

Иван морщился:

– Можно и надавить.

Андрей губы вытягивал. Резюме Иван сотворил такое:

– Ты вот что, начальника своего бывшего веди. Собственно, пусть позвонит.

«Отдыхай, Андрюша», – пришло в голову Румянцева.

Естественно, в дальнейшем все потекло непредсказуемыми руслами. В такие заводы и протоки увлекло течение, что Андрей только улыбался, размышляя, сколь наивен был, и как необходима – во всяком случае, ему – эта наивность, ибо дает возможность двигаться.

Через год Румянцев осуществил первую крупную сделку. До этого он обратно устроился в лабораторию, сотрудники которой учредили акционерное общество. Девять человек скинулись по ощутимой сумме. Самые крупные доли внесли Гайсинский и Андрей (деньги ему дал Иван). На неравенство дольщики пошли от новизны затеи и недоверия к Гайсинскому. Это, в конце концов, легло Андрею на руку.

Гайсинского назвали генеральным директором, Андрея замом, однако делами занимался в основном он. Начал много двигаться, восстанавливать старые связи – стало интересно. Валерьян явно что-то соорудил с Иваном и помимо официальных вещей практически ничем не занимался. На происки Андрея относительно этого сооружения загадочно и красноречиво не отвечал, у Ивана Румянцев поинтересоваться отчего-то стеснялся. Кстати, семьями встречаться без видимых причин стали реже. Другое дело, частенько Ирина заглядывала одна.

Иван, несомненно, курировал. Порекомендовал опытного бухгалтера, и отчетливо виделось, что через нее он ведает обо всех делах конторы. Да и утаивать было нечего. Сделки совершались сравнительно небольшие.

Гайсинского начало кидать. То увлекся только что образовавшейся биржей и замыслил проникнуть в ряды организаторов. Быстро остыл и обезумел от редкоземов, крайне тогда модных. Заметим, что Румянцева и остальных не миновала эта зараза. Гайсинский имел обыкновение, ведя телефонные разговоры или беседуя с визави, делать многозначительный вид и интригующие интонации, что непременно тревожило и манило. Андрей и сам пускался в бесчисленные и бессмысленные переговоры и полюбил складывать в голове сумасшедшие цифры.

Вместе с тем, Валерьян беззастенчиво запускать руку в казну, декларируя организационные расходы, все это начало вызывать ропот персонала. Особое недовольство производило выпячиваемое лидерство Гайсинского, которое обосновывалось лишь взносом и первым импульсом, но никак не текущим вкладом в прибыль, и на фоне Андрея, равного по взносу, более активного и демократичного, действительно, было уместно.

Постепенно фирма разрослась до четырнадцати человек. Кое-кто из учредителей по разным причинам из общества вышел. Остались и пришли ребята молодые, юркие. Настроения разделились. Большая половина, и самых результативных, начала открыто ворчать. Сам Андрей воду не мутит, все произошло органично. После двух командировок Валерьяна в Сочи

(вели дело с гостиницами, абонировали номера под туристическое обслуживание) с молоденькой секретаршей и совершенно без дела потраченной прорвой денег, и после одной вечеринки, где собрался, главным образом, оппозиционный состав, порешили ставить вопрос ребром. Гайсинский послал всех подальше. Посланные обрадовались.

В темпе оформили новое общество. Никаких альтернатив новому начальнику не наблюдалось. Некоторое время тягались с Гайсинским относительно старой казны, потом плюнули, забрали то, что отдал. Андрей, умудренный практикой и отягощенный характером, властвовать не стал:

– Мужики, думаем два дня. Каждый несет предложения. Стратегия, тактика, организация дела, дележ денег. Садимся, решаем. После решения бухаем и на следующий день за работу. Вердикт не меняем хотя бы год.

Решили и ребята, взогретые самостью, закрутились. Две мощных сделки спроворил Румянцев. Работа заставляла быть цепким и тщательным, в результате казалось бы незначительные обстоятельства вдруг складывались в конструкции.

Проходная встреча со старым приятелем – куролесили вместе в агитбригадах – обернулась профитом. Тот служил по научной части в городе Хромтау, что расположился в Казахстане. Город обслуживал добычу хромитовых руд. Крупное предприятие, Донской горнообогатительный комбинат, выковыривало руду с размахом. Механизмов было много, обслуживание требовалось обширное. Другими словами, выяснилось, что существуют перебои с машинным маслом. Андрей поинтересовался относительно деталей и имела место такая фраза:

– Вова, а ведь я над этим поработаю.

Казус заключался в том, что Гайсинский давно грезил выходом на нефтепродукты и имел кое-какие завязки с Омскими нефтеперерабатывающими предприятиями. Уже улеглись эмоции, связанные с разделом (даже имела место небольшая совместная сделка, коротко говоря, отношения в некоторой степени вернулись), и Андрей пошел к нему требовать связь в Омске.

– Колись, Валерьян, – посоветовал он.

Тот по естеству некоторое время мурыжил, но, припертый разными моральными штучками, уступил фигуру.

– Да ты что, страшный же мой приятель, – возмутился Гайсинский в ответ на запрос о надежности человека. – Он там бог.

Андрей побоялся думать долго и отправился с Петром в Омск. Петьку он сразу пристегнул и в командировки таскались вместе, ибо чувствовал себя с ним не только проще и веселей, но и надежней. К тому времени начали потихоньку отстреливать мафиозных вождей, криминал бойко выпячивался. Крутость, она же наглость, становилась необходимым атрибутом делового человека. Андрей обнаружил, что в присутствии Пети, наверное, благодаря его преданности, удаются уверенные интонации.

«Бог» существовал в совершенно непотребном жилище и имел сырый вид: затрапезная рубашка, дефицитное (такого не выпускали как лет десять) трико. Он долго вспоминал, кто такой Гайсинский, и не пускал их за порог. И облик, и первые процедуры породили сомнение. Наконец, усвоив детали ситуации, начал бить себя в грудь, дико настаивая, что он может все и дело обстряпает безоговорочно и в самом выгодном свете. Собственно, без наvara для себя.

– Я же по людям – рентген. Где-где, а в человеке я толк понимаю.

В гостиницу прибыли в настроении угнетенном. Не помогла вкусная прохлада вечера, приятные, богатые зеленью пейзажи. Заказали добротный ужин в гостиничном ресторане. Посадили их за стол с тремя мужчинами, двое из которых являли кавказскую национальность. Неугомонный Петя быстро разговорился, кончилось тем, что ушел к мужикам играть в карты, Андрей в номере угрюмо уткнулся в книжку. Заполночь друг разбудил. Кипешной, воспаленный.

– Вот ты, дура, дохаешь, а я пашу, как мама Клара.

– Одурел, что ли? – зло напялил на голову одеяло Андрей.

– Который русский – то, что мы ищем.

Андрей высунул ухо. Петя вдохновенно шуршал:

– Промеж картами кое-какие разговоры пошли про бензин. Прикидываюсь Ваней, дескать, по делам междумолочной отрасли... Короче, раскладка такая. Мужики из Азербайджана. Бензин промышляют. Третий – местный, деловой. Его и укатывают.

Андрей откинул одеяло:

– Азербайджанцы, за бензином? У них своего, как грязи.

– Я – то же самое... Ва, говорит, наш нефть на триста лет назад расписан.

Андрей поскреб затылок.

– И что?

– А ничего. Завтра абориген сюда днем придет. Согласовать что-то собираются... Ты идешь к балбесу, смотришь, что там выходит, я пасу этого. Когда уходить будет, я его попрошу.

– А по сусалам не получим?

– Так мы ж по маслу... Упускать шанс нельзя. Наконец, у меня волына с собой, отплюемся.

Андрей посопел, натянул на себя одеяло.

И действительно, уцепил Петя того деятеля. «Балбес» оказался нудным и, должно быть, десятым посредником. Местный вывел на приличную фирму, и в дальнейшем с этой стороны все оказалось до смешного просто.

Шуранули в Хромтау. Добирались сволочно. Прилетели в Актюбинск вечером, последний автобус в Хромтау уже ушел. Город обрушился на бедолаг страшным холодом и отсутствием ничтожной расположенности. Угодили в транзитную гостиницу, предложили им многоместный номер. Комната была забита молодыми ребятами, спортсменами, кажется. Те невообразимо галдели, об отдыхе не могло быть и речи. Андрей угрюмо проследовал к администратору и еще более угрюмо потребовал приличных условий. Служивая мадам неприязненно посмотрела и отвела два соседних отдельных номера.

Комната дохнула холодом, странно превышающим даже окружающие кондиции. Поковырялся в сумке, в поисках дополнительного тряпья, печально посетовал на нерасчетливость и в чем был забрался под одеяло, уныло предвкушая телесное негодование. Однако дальнейшие события одарили душевным праздником.

Суть заключалась в том, что Петя имел известную привычку разговаривать сам с собой вслух. Номера, по-видимому, имели какое-то сообщение, поскольку слышимость была великолепная, Андрей, устроившись и угмонив скрипы постели, с удовольствием начал вслушиваться в хлипкое и сосредоточенное бормотание Пети. Тот шебуршал чем-то и на импровизированную мелодию озабоченно напевал:

– Одеяло, одеяло, почему тебя так мало...

Потом перешел на прозу, слова стали разборчивей. Отчетливо мелькало «ублюдки». Наконец Петя, улегся: после продолжительной возни послышалось сладкое мурлыканье и дальше умиротворенное сопение.

Стук в дверь раздастся, наверное, через полчаса после наступления тишины. Андрей ежится, оцарапанный огромным нежеланием вылезать из-под одеяла, но уяснив проснувшимся сознанием, что стук приглушен и идет не от двери, блаженно и нежно радуется. Слышится сердитое бурчание Пети:

– Черт бы побрал, Андрей, ты что ли?

Скрип кровати, Петя пошевелился, но вставать не торопится. Слышатся еще более настойчивые удары. Озлобленное ворчание, крикает дверь и раздается радостный голос:

– Паслуши, дарагой, – голос располагает кавказским акцентом, – сажусь играть в карты, а ручка нэт. Одолжи ручка, дарагой, выйди из положения.

Возникают звуки торопливых шагов Пети.

– Спасибо, дарагой. И маме твоей спасибо, – дверь скрипит, закрываясь, потом скрипит снова и слышится: – И папе твоей спасибо.

– И твоему маме тоже, – недовольно бурчит Петя, дверь захлопывается окончательно. Шаги по полу, возня, гневное бормотание.

Новый стук раздается теперь уже где-то через час.

– Андрей, ты что ли! – отчаянно сипит голос Пети. На этот раз никаких прелюдий, Петя резко встает и зло щелкает замком.

– Паслуши, дарагой! – поет знакомый голос. – Ты не обижайся, но я долго играть буду. Чтob тебя не будить, ручка я забирает. Завтра я тебе два ручка подарю.

Слышится тяжелый вздох Пети, и затем слова тихие, но напряженные:

– Дорогой! Возьми еще ручку, только больше не приходи. Я тебя как демократ демократа прошу.

– Зачем обижаешься? Не надо мне твой ручка, – возмущается голос. – Если хочешь, я вообще играть не буду.

Петя виновато успокаивает:

– Да нет, ты извини. Забирай вещь, только больше не буди.

Удаляющийся голос:

– Зачем буди? Я никогда никого не будил! И мама не будил, и папа не будил.

Скрип двери, щелканье замка, возня, хрипящий выдох. Андрей, зарывшись в одеяло, трясется от неудержимого смеха.

Третий раз стук в дверь раздается глубокой ночью. Стон тяжелый, невыносимый. Тишина в комнате Пети. Снова стук, настойчивый, немилосердный. Снова стон... Скрип кровати, щелканье замка. Голос знакомый, возмущенный:

– Паслуши, дарагой! Я знаю, ты хороши человек, но ты нечаянно надо мной издеваешься... Посмотри, что ты мне дал! Посмотри, где в этой ручка чернила. Здесь же совершенно нет чернила.

Отчаянное, сверхъестественное молчание.

– Если ты хочешь пошутить, – в ответ продолжает голос, – скажи, я пошутил – и я буду смеяться. Если не хочешь шутить, скажи, что не хочешь шутить, и я не буду смеяться.

– Послушай, мужик... – грозно и зловеще раздается голос Пети, но на этом обрывается. Надо думать, слов попросту нет. Слышаться шорохи и затем усталые, обреченные слова. – Вот тебе еще ручка и карандаш, больше у меня ничего нет.

– Спасибо, дарагой! Я знал, что ты настоящий мущина.

Раздается мощное дыхание Пети. Андрей корчится от смеха в своей постели.

Утром Румянцев радостно и восторженно стучит в дверь к Пете. Дверь отвечает полной неподвижностью.

– Паслуши, дарагой, – кричит Андрей вдохновенно, – я пришел к тебе с приветом. С утра флакон, к вечеру дороже будет.

Наконец слышится суетня, всхлипывает замок, в просвете двери показывается убегающая фигура Пети. Он грубо, с жалобным писком ныряет под сооружение на постели. Оно представляет из себя нагромождение бог весть откуда взявшегося тряпья. Вид этого удручающий. Из комнаты бьет морозом. Выяснилось, если в окне комнаты Андрея имелись какие-то намеки на стекла, то у Пети с улицей сообщение было самое непосредственное.

Не угадали на первый автобус, пришлось два часа толкаться на станции. В дороге автобус, гулкая, рассчитанная на самого неприятного пассажира коробка, отказал. Ремонт длился

много дольше часа. Бездонная степь покрытая жалкой растительностью не внушала никакого доверия. Добрались на последнем нерве.

Встречены, правда, были радушно. Город, сугубо промышленный, приземистый, безрадостный, полный антипод Лас-Вегасу, был рад любому пришлому. Впрочем, приветливость ограничивалась временем досуга. Дело пошло туго, довелось еще Андрею в Хромтау поездить. Отправлялся он туда через громадное внутреннее сопротивление, потому что приходилось навязываться, много пить, давать и выслушивать хмельные обещания, которые забывались на другой же день.

Долгое впечатление оставил один из вояжей, в котором свозили Андрея поохотиться на сайгаков. Вообще, охотой это можно было назвать с натяжкой... Выехали на мотоциклах в степь. Ночью. Андрея посадили в коляску, сунули ружье. Поначалу выглядело романтично, но скоро его растрясло. Почему-то давило рваное из-за частых облаков, низкое небо. Наконец, набрали на искомое. Глупое животное смерти не стеснялось, попав в луч фонаря, заморожено лупило глаза, нервно перебирая хрупкими ногами.

Своего сайгачонка чуть не сшибли. Когда остановились, он умудрился втиснуться между передним колесом и коляской и бойко дрожал всем телом, загипнотизировано держа неподвижную голову.

– Стреляй, – сказал возница. С других мотоциклов палили вовсю.

Андрей подставил дуло к голове сайгачонка и страстно вглядывался в тающий в бледном мраке силуэт.

– Ну что? – весело спросил ездовой.

– Да что-то... – пробормотал Андрей. – Неудобно вроде.

– Делай, некогда, – посерьезнел тот.

Андрей выстрелил, голову сайгака снесло. Стало зябко... Мясо Андрею не понравилось.

Вторая крупная сделка сплела с городом Волжский. Андрей прежде о таком и не слышал. И кто в рукоделии-то помог? Да Максим же – что аварию под Саратовом расхлебывать пособил. Воистину, неисповедимы пути Господни!

Еще там в переделке Максим проявился малым дальнорким и вкрадчивым. Юлии парень позванивал: по делам следствия был ее поверенным, и после что-то по коммерции сооружали. Дошло до его приездов в Свердловск, мило пообщались. От душевности Максим упомянул о фабрике в Волжском по изготовлению спецодежд и связях там. Отложилось, и однажды Андрей услышал от крупных потребителей о возможности потратиться на спецуху. Созвонился с Максимом, тот действительно помог. Маржа получилась на диво приличной. Запомнился эпизод тем, что Андрей впервые, но грамотно и ловко давал крупные взятки: еще Иван учил на «предвареж» денег не жалеть – «русский делавар культурой не тронут и пыль в глаза любит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.